ГЛОБАЛЬНЫЙ ДИАЛОГ 3.4

5 номеров в год на 15 языках

Фернандо Энрике Кардосо оглядывается в прошлое

Социология как призвание

Чизуко Уэно, Владимир Ядов

Болгария вчера и сегодня

Мария Иванчева, Мартин Петров, Георгий Медаров

Социальные науки в Малайзии

Шамсул А.Б., Рахман Эмбонг

- > Фавела-туризм
- > Что стоит за текстильной катастрофой в Бангладеше?
- > Ваша статья подверглась аутсорсингу
- > Тунисская социология после Революции
- > Синематическая социология
- > Книги со скидкой для членов МСА

TOM 3 / BЫПУСК 4 / ABГУСТ 2013 www.isa-sociology.org/global-dialogue/

> От редактора

К новой социологии

олны коллективного протеста захватили весь мир. Совсем недавно протесты прокатилась в Гези парке и на площади Таксим, затем захватили Бразилию и сейчас, когда я пишу эти строки, народное восстание в Египте достигает беспрецедентного масштаба. Манифестанты на площади Тахрир демонстративно отказываются от (ре)экспроприации политики, хотя результаты их протеста неопределенны и трагичны. Эти культурно взаимосвязанные и политически независимые акции требуют создания новой теории общественных движений, а значит и новой социологии, которая должна исследовать феномены глобального масштаба.

Эта новая социология должна принимать во внимание взаимное влияние политики и экономики, поэтому данный номер ГД представляет анализ политической подоплеки третьей волны маркетизации, которую обычно называют неолиберализмом. Так, например, Маллика Шакья анализирует геополитику швейной промышленности, которая привела к конфликтам в Бангладеш; Бьянка Фрейр-Медейрос описывает политику поддержки трущобного туризма, с помощью которого последовательно сменяющие друг друга политические режимы Бразилии извлекают прибыль из бедности. Джефф Саллаз анализирует, как издатели наживаются на аутсорсинге, когда рассчитывают, что мы (или наши библиотеки) скупят по сниженным ценам продукцию, которую мы сами производим! В своей автобиографии Рахман Эмбонг показывает, как в малазийских университетах социология приобретает периферийный статус, а наибольшей популярностью пользуются те дисциплины, обучение которым предполагает краткосрочные выгоды в сочетании с долгосрочным политической лояльностью.

Где же при таких условиях может возникнуть новая социология? Я внимательно наблюдал за посткоммунистическим поколением критической социологии современной Восточной Европы - Польши, Украины, Румынии и Восточной Германии. На страницах этого номера ГД три молодых социолога из Болгарии анализируют проблематику ключевых национальных дебатов. Мартин Петров описывает жизненный путь изгоев, представителей андеркласса - осколков нового и старого режимов, которые борются за признание на улицах Софии. Георгий Медаров прослеживает сложные паттерны исторической политики в отношении бывших коммунистов, одним из мотивов которой является преодоление фашистского прошлого Болгарии. Такая политика памяти отвлекает внимание от фашистских тенденций сегодняшнего дня. Мария Иванчева критически осмысливает собственное увлечение демократическим переходом, и анализирует дилеммы другого социализма на примере Венесуэлы, чтобы по-новому взглянуть на опыт Восточной Европы. Все три статьи представляют социологию, которая ставит вопросы в отношении прошлого для того, чтобы решить проблемы сегодняшнего дня.

Новая социология предполагает развитие новых методов изучения полифонических уровней истории и социологии. Именно к этому вопросу обращено интервью Джордана Матлона с Джойс Себаг и Жаном-Пьером Дюраном, в котором обсуждаются программа синематической социологии в Университете Эври. Поддерживая этот проект, я предлагаю всем читателям бюллетеня присылать фото-эссе для публикации (фотографии, сопровождаемые коротким комментарием, длиной в 300 слов).

- > Глобальный Диалог на 15 языках на сайте MCA: ISA website
- > Статьи и заметки для публикации присылайте по адресу: burawoy@berkeley.edu

Фернандо Энрике Кардосо, дважды президент Бразилии (1995-2003), президент МСА (1982-86), один из основателей социологии в Бразилии, рассказывает о роли социологической профессии в деятельности президента страны.

Чизуко Уэно, известный японский социолог, общественный деятель, участница феминистского движения рассуждает о становлении своей феминистской идентичности

Владимир Ядов, один из основателей российской социологии советского периода, сторонник автономии социологической профессии в путинской России, быв. вице-президент МСА, любимый учитель многих российских социологов, рассказывает о профессиональных проблемах.

> Редакционный совет

Редактор: Майкл Буравой.

Исполнительные редакторы: Лола Бусуттил, Август Бага

Заместители редактора:

Маргарет Абрахам, Тина Айс, Ракель Соса, Дженнифер Платт, Роберт ван Крикен.

Редакторы-консультенты:

ІИзабела Барлинска, Луи Шовель, Дилек Чиндоглу, Том Дуайер, Жан Фриц, Сари Ханафи, Хайме Химинес, Хабибул Хондкер, Саймон Мападименг, Ишвар Моди, Никита Покровский, Эмма Порио, Йошимичи Сато, Винета Синха, Бенхамие Техерина, Чин-Чун Йи, Елена Здравомыслова.

Региональные редакторы

Арабский мир:

Сари Ханафи, Мунир Сайдани.

Бразилия:

Густаво Танигути, Хулиана Тонче, Селия Аррибас, Андреса Гальи, Рената Баррето Претурлан, Россана Мериньо, Анжело Мартинс Жуниор, Лукас Амараль.

Колумбия:

Мария Хосе Альварес Ривадулья, Себастьян Вильямисар Сантамария, Катерине Гайтан Сантамария, Андрес Кастро Араухо.

Индия:

Ишвар Моди, Раджив Гупта, Рашми Джайн, Удэй Сингх.

Иран:

Рейханех Джавади, Шахрад Шахванд, Сагхар Бозорги, Наджмех Тахери, Хамидреза Рафатнежад, Тара Асгари Лалех, Фаэзех Хажезадех.

Япония:

Казухиса Нишихара, Мари Шиба, Коусуке Химено, Томохиро Таками, Ютака Ивадате, Казухиро Икеда, Ю Фукуда, Мичико Самбе, Такако Сато, Юко Хотта, Юсуке Косака, Ютака Маеда, Шухей Нака.

Польша:

Миколай Миержевски, Каролина Миколаевска, Кшиштоф Губаньски, Адам Мюллер, Патриция Пендраковска, Эмилия Худзиньска, Джулиа Легат, Камил Липинский, Наталия Елка.

Румыния:

Косима Ругинис, Иляна Чинзьяна Сурду, Моника Александру, Телегди Балаж, Марьян Михай Богдан, Адриана Бондор, Рамона Кандараджу, Мириам Чиходариу, Александра Дуту, Каталина Гуле, Анжелика Хелена Маринеску, Моника Надраг, Лучан Ротарью, Алина Стан, Мара Стан, Кристиан Константин Вереш, Элена Тюдор.

Россия:

Елена Здравомыслова, Элеонора Бурцева, Анна Кадникова, Елена Никифорова, Юлия Мартинавчене, Екатерина Москалева, Ася Воронкова.

Тайвань:

Чжин-Мао Хо.

Турция:

Айтюл Касаполу, Нилай Чабук Кайя, Гюннур Эртонг, Йонка Одабаш, Зейнеп Байкаль, Гизем Гюнер.

Украина:

Свитлана Хутка, Ольга Кузовкина, Анастасия Денисенко, Мария Домащенко, Ирина Клевцова, Лидия Куземска, Анастасия Липинска, Мирослава Романчук, Ксения Швец, Людмила Смоляр, Орына Стеценко, Полина Стохнушко.

Медиа-консультанты: Анни Лин, Хозе Регера.

> В этом номере

Редактор-консультант: Абигейл Эндрюс.От редактора: К новой социологии	2
Президент-социолог Интервью с Фернандо Энрике Кардосо, Бразилия	4
Социология как призвание – стать феминисткой в Японии Чизуко Уэно, Япония	7
Социология как призвание. Профессия социология как жизненная судьба Владимир Ядов, Россия	ę
> КАПИТАЛИЗАЦИЯ БЕДНОСТИ	
Фавела для путешественников Бьянка Фрейре-Медейрос, Бразилия	11
Что стоит за текстильной катастрофой в Бангладеше Маллика Шакья, Индия	14
Ваша статья только что подверглась аутсорсингу Джеффри Дж. Саллаз, США	17
Членам МСА книги со скидкой Суджата Пател, Индия	20
> В ФОКУСЕ - БОЛГАРИЯ	
Между двумя социализмами Мария Иванчева, Венгрия	22
Были-небылицы софийских улиц Мартин Петров, Болгария	24
Посткоммунистическая дискуссия о Холокосте в Болгарии Георгий Медаров, Болгария	26
> СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ В МАЛАЙЗИИ	
Формирование социальных наук в Малайзии Шамсул А.Б., Малайзия	28
Жизнь и времена социолога по призванию Интервью с Дато Рахманом Эмбонгом, Малайзия	30
> ЖИВАЯ СОЦИОЛОГИЯ	
Тунисская социология после Революции Мунир Сайдани, Тунис	34
Синематическая социология	36

> Президентсоциолог

Интервью с Фернандо Энрике Кардосо

Фернандо Энрике Кардосо.

МБ: Президент Кардосо, как социологическая профессия сказалась на Вашем опыте президента такой огромной страны, как Бразилия?

ФЭК: Я бы сказал, что и для политической и для академической жизни чрезвычайно важно верить во чтото. Если у Вас нет видения, если у Вас нет выраженной позиции, то Вы не сможете повлиять на сообщество или на страну. У Вас должны быть убеждения. Это возможно противоречит тому, что обычно говорят о «политическом человеке». Конечно, как и Вы, я читал Вебера. Вебер проводил различие между этикой убеждений и этикой ответственности. Однако, он не выделял одну из этих этик как побудительную силу политического действия. Напротив, он учитывал обе этики. Он сам был депутатом германского парламента и националистом. В своих действиях он придерживался вполне определенных ценностей.

Если Вы у Вас есть определенные убеждения, и Вы имеете возможность выразить их в подходящее время, т.е. в том время, когда ваше пребывание в поле политики совпадает с чаяниями людей – при таких обстоятельствах можно стать политическим лидером. Без таких возможностей стать лидеров невозможно. Вас могут избрать на должность, но, не имея убеждений, не имея глубоких убеждений стать политическим лидером невозможно. В любом случае я бы подчеркнул, что побудительной силой для представителей моего поколения была не одержимость экономическим развитием, хотя мы, несомненно, стремились к нему. Нашей основной идеей была демократия.

роработав некоторое время на посту финансов, Фернандо Энрике Кардосо был избран президентом Бразилии и занимал этот пост в течение двух сроков, с 1995 по 2003 год. Ранее на закате бразильской диктатуры он был также президентом МСА (1982-1986). Уже в то время он был социологом с мировой известностью, который прославился изучением зависимости и развития в Латинской Америке. Его диссертация - классическое исследование рабства в южной Бразилии. Интервью основано на выступлении Кардосо на заключительной сессии Американской социологической ассоциации в 2004 году, через год после того, как он покинул пост президента страны.

Я стал заниматься политикой, мы все еще жили при авторитарном режиме. Каждый день мы страдали от недостатка свободы. Людей ссылали, многие отбывали срок в заключении и подвергались пыткам – именно это заставляло нас участвовать в политике.

МБ: Демократия – это невнятный термин, им часто злоупотребляют, что означает это слово для Вас?

ФЭК: Существуют различные типы демократии и, различные воплощения одной и той же ценности, разные конфигурации. А современном мире демократия это не просто возможность стать членом какой-либо политической партии принять участия в электоральной жизни. Должен признаться: я никогда не был членом какой-либо партии по формальным признакам. Я никогда не был аппаратчиком. Я их ненавижу. Давным-давно, во время своей первой политической кампании по выборам в Сенат я произнес речь адресованную членам моей политической партии, которая боролась с военными - что борцы с режимом - скучные люди. Я не думаю, что политика исчерпывается действиями политических партий. На мой взгляд, сегодня особенно важно иметь возможность соприкоснуться со значимыми секторами общества и иметь возможность выразить ценности в соответствии с диффузными чувствами людей.

Итак, чтобы быть эффективным «политический человек» должен обладать способностью соблазнять, общаться, вызывать эмоции. До определенной степени нужно быть актером. В хорошем смысле этого слова: не потому что Вы играете театральную роль. Не в этом смысле. Нужно обладать способностью испытывать эмоции, порождать и

иллюстрация Арбу.

передавать их. Возможно, я стал политическим лидером потому, что люблю людей. Когда я был президентом, я старался общаться с простыми людьми. Обычно президенты очень дистанцированы от обычных граждан. Но у президентов есть обслуживающий персонал. О нас заботятся даже, когда мы плаваем в бассейне. Нас возят шоферы. Нас сопровождает охрана. Именно эти люди окружают президента в его повседневной жизни, а не политики и представители высшего класса. Я старался разговаривать сними и дать им почувствовать, что они могут общаться со мной как с личностью. Не как с президентом. И я старался понять, что они действительно думают и чувствуют по разным поводам. Сейчас я думаю, что самое главное заключается совсем не в актерских способностях политического деятеля, который может разыгрывать спектакль. Повлиять на происходящее можно, если ты в состоянии убедить людей в том, что ты и в самом деле серьезно веришь в то, о чем говоришь. Такой навык предполагает, что ты не утрачиваешь чувство человечности.

МБ: Но помогает ли социология сохранять человечность?

ФЭК: Да, социология очень помогает в этом смысле. В Бразилии очень часто мои политические конкуренты – мои противники – говорили: "Этот человек никогда не был бедным. Он лучше говорит по-французски, чем по-португальски». Они говорили так, чтобы меня дисквалифицировать. Но они кое-чего не учли. Опыт преподавания за границей научил меня говорить более просто и прямо, чем большинство интеллектуалов.

Я помню, как, спасаясь от военной диктатуры, я уехал преподавать в Чили. Португальский и испанский языки похожи, но все-таки это разные языки. Бразильцы понимают испанский язык, но испанцы не могут понять бразильцев. Когда я пытался говорить по-португальски, чилийцы выражали недоумение. Поэтому я был вынужден избегать сложных слов, я максимально упрощал изложение своих мыслей.

Кроме того социолог должен уметь общаться с людьми. И когда представители оппозиции говорили: "Этот человек не может общаться с бедными и простыми людьми! Я

только улыбался, потому что я начал свой профессиональный путь как социолог, я жил с чернокожими бразильцами и изучал расовые отношения. Я посещал трущобы, города, построенные из мусора в южной Бразилии. Позже я изучал социальное положение рабочих. Позже я стал изучать предпринимателей. В начале карьеры я постоянно общался с простыми людьми, и поэтому в дальнейшем у меня не было проблем в общении с ними.

Я посещал также занятия по антропологии. Наш курс обучения предполагал изучение трех дисциплин одновременно: социологию, экономику и антропологию. И вы знаете антропологов – моя жена была антропологом – их интересуют очень особенные вещи. Они любят разговаривать со всеми, постоянно делают заметки, фиксируя самые мелкие изменения поведения. Политику совершенно необходимо уметь понимать других людей и вести с ними диалог. Именно в этом заключается ключ к влиянию на других людей, - вы должны быть актером в том смысле, о котором я говорил выше: уметь выражать свои истинные чувства ясным и понятным образом.

МБ: Может ли социологическое образование мешать политической деятельности?

ФЗК: Да, может. Я помню, я был очень застенчивым во время своей первой политической кампании в борьбе за место в сенате. В Бразилии вести политическую кампанию значит касаться людей физически. И они в ответ Вас обнимают очень сильно. В конце дня ты чувствуешь себя очень уставшим, просто истощенным этими страстными объятиями. Политическая кампании – по крайней мере, в Бразилии - это физический обмен; люди телесно общаются с другими людьми. Они не просто разговаривают. Вы должны касаться людей тактильно. Нужно быть близким к ним физически. Этому нужно учиться. Так что вначале было непросто.

Несомненно необходимо и умение говорить и ученому трудно обращаться с речью к толпе. Необходимо уметь упрощать и убеждать. И нужно избегать громогласных заявлений – люди этого не любят. Ученому непросто приспособиться к такой ситуации. Я помню, что вначале я пытался на каждой встрече выступать с совершенно новой речью. Не забывайте, что во время политической кампании нам приходится каждый день выступать на восьми или девяти встречах. Мне было стыдно повторять одно и то же. И я старался придумать разные сюжеты для разных аудиторий. Это было настоящее мучение.

Поскольку никто на самом деле не понимает, что вы ходите выразить; нужно повторять разными словами одни и те же мысли снова и снова. Нужно упрощать и повторять. В таких условиях совсем не просто быть социологом и политиком. Но когда дело доходит до телевидения, мы имеем колоссальное преимущество. Во время моей первой электоральной кампании за место в сенате от штата Сан-Паоло – в то время мы боролись с военной диктатурой – я участвовал в теледебатах со своим оппонентом. Во время дебатов я был довольно спокоен. Наверное, потому, что я воображал, что я читаю лекцию или даю урок.

Когда я пришел домой, друзья были в отчаянии; это недопустимо, говорили они, у тебя нет энергии, ты не заражаешь аудиторию своими чувствами, а ведь именно это должен делать политический деятель. Однако

этот пессимистический анализ оказался неверным. Поскольку ТВ требует диалогового общения гораздо в большей степени, чем публичная речь на митинге – ТВ предполагает более доверительный характер разговора – мы - социологи и преподаватели - имеем преимущество перед другими политиками. Ведь мы осваивали искусство диалога и разговора в студенческих аудиториях. Нам не сложно воспользоваться преимуществами телевизионного формата в политической жизни. Нужно просто вести себя как хороший преподаватель, выражать свои мысли простым и убедительным образом.

МБ: Как складывалось Ваше взаимодействие с политическими партиями, когда Вы были президентом страны?

ФЭК: В Бразилии, как я уже говорил, чрезвычайно важно, чтобы лидер обладал способностью представить свою программу действий всей нации, а не только политическим партиям. Лидер должен убедить большинство населения даже за счет отсутствия достаточного внимания к политическим партиям.

Очень часто партии не помогают изменениям, а препятствуют им. Они не готовы к инновациям. Поэтому необходимо выйти за пределы партийной структуры. В то же время необходимо осознавать, что, в конце концов, чтобы добиться успеха, надо опираться на сложившую партийную структуру. Это означает, что Вы не должны противостоять ей. Если Вы вступите в прямой конфликт с политической системой, Вы рискуете превратиться в диктатора или подвергнитесь импичменту.

Можно конечно манипулировать массами и мобилизовать их против Конгресса. Это не так уж сложно сделать при помощи ТВ. Но такой путь ведет к диктатуре. Необходимо иметь твердые демократические убеждения и не настраивать массы против Парламента, несмотря на то, что Парламент может стать помехой тем изменениям, которые вы задумали. Нужно быть готовым к постоянным переговорам с Конгрессом. В этом смысле у социолога тоже есть преимущества. Он может понять реальные интересы стейкхолдеров – учитывать не просто партийный различия, но видеть за ними различные социальные группы, социальные круги и даже конкретные личности. И превыше всего для него остается общественный интерес.

МБ: Как президент Вы пережили немало национальных кризисов. Что Вы можете сказать о реакции на кризисы?

ФЭК: Во время кризиса главное - сохранять спокойствие (например, в ситуации дикой спекуляции в международной финансовой системе) и сохранять уверенный курс, иначе все может развалиться, и президент пойдет ко дну вместе со своим правительством. Аналитическая способность охватить интеллектуальным взором более общую картину во время кризиса помогает сохранять спокойствие. Нужно уметь действовать на различных уровнях: при некоторых обстоятельствах быть ближе к народу и сохранять дистанцию, чтобы не потопить лодку.

Надо создать дорожную карту и держать курс туда, куда Вы хотите направить свой корабль.

В такие моменты главная обязанность главы государства оберегать долгосрочные интересы нации, без соблюдения которых она может разрушиться. Когда происходит коллапс системы, ее перестройка занимает очень много времени и люди платят за это слишком высокую социальную цену. Именно поэтому важно уметь дрейфовать и пользоваться попутным ветром, поймать возможности и двигаться вперед. Это придаст Вам силы в ситуации, когда все, что Вы можете сделать - это предотвратить дезинтеграцию всей системы. Я вижу здесь значительную связь с социологической подготовкой. Конечно, важны и личностные свойства, связанные с биографическим опытом и другие способности. Но я считаю, что главное преимущество социологического взгляда - это умение увидеть широкий горизонт, способность понять соотношение сил между различными группами и некоторое чувство релятивизма, понимание того, что нет никакой абсолютной истины или единственно правильного способа действия.

МБ: Как бы Вы охарактеризовали в социологических терминах современный политический процесс?

ФЭК: На мой взгляд, политический процесс в современных демократических обществах требует постоянных сознательных усилий. Возвращаясь к идее Руссо, я бы сказал, что сегодня общая воля переопределяется каждый день каждым членом общества. Чтобы такое переопределение стало возможным, необходимо создать для него открытое пространство, так чтобы все больше людей активно вовлекались в процесс делиберации. Люди больше не принимают репрезентацию просто как возможность принять участие в голосовании. Легитимность также не сводится к голосованию; она требует постоянного продвижения ценностей и решения задач, которые Вы поставили перед собой и за которые Вы боретесь.

Несколько раз за меня голосовали миллионы избирателей. Дважды я становился президентом страны: за меня проголосовало более 50% электората. Одна это внушительный мандат не достаточен. Необходимо постоянно подтверждать свою легитимность в повседневной работе. Как будто каждый день начинаешь с нулевой отметки. Тот, кто думает, что доверие людей получено раз и навсегда в результате победы на выборах, занимается самообманом. Необходимо сохранять и обновлять это доверие, постоянно утверждая ценности, которые лежат в основе Ваших действий.

Так что я дам Вам один последний совет: не занимайтесь политикой – это очень сложно! ■

> СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ **ПРИЗВАНИЕ**

Стать феминисткой в Японии

Чизуко Уэно, Университет Токио, Япония

Чизуко Уэно.

это удобная самоидентификация. Во социологии имя я могу представить в качестве объекта исследования любую свою повседневную деятельность от чтения комиксов до подслушивания разговоров попутчиков в автобусе. Будучи социологом, я чрезвычайно скептически отношусь к обществу, в котором живу. Я не могу сказать наверняка, где здесь курица, а где яйцо, то ли мой скептицизм сделал меня социологом, то ли, социологическая подготовка привела к скептицизму. Я знаю, однако, что социологический хабитус заставляет обращать особенное внимание на все, что развивается не так, на безумства, глупости, фтранности, непонятности. В ответ многие думают, что фами социологи являются странными, безумными и

Чизуко Уэно - ведущий японский социолог, занимается феминистской критикой, считает себя публичным интеллектуалом, является основателем женских исследований Японии и автором множества книг, включая такие, как: Patriarchy and **Capitalism** (Патриархат и капитализм1990), The Rise and Fall of the Japanese Modern Family (Подъем и упадок современной японской семьи, 1994, англ. Перевод 2004), Nationalism and Gender (Национализм и гендер 1989, англ. пер. 2009), The Erotic Apparatus (Эротический аппарат 1989), The Politics of Difference (Политика различия 2002), A Thought for Survival (Мысли о выживании 2009), Misogyny in Japan (Мизогиния в Японии 2010), Sociology of Care (Социология заботы 2011). В течение длительного времени она принимает участие в феминистском движении. В наст. время является президентом НКО Сеть женского действия . (http://wan.or.jp/)См. Также ее обращение "40 лет японскому феминизму" http://worldwide-wan.blogspot.jp/, в котором она подсчитывает достижения и поражения японских женщин за последнее сорокалетие.

глупыми людьми. Социологическая привычка стала хорошей подготовкой для гендерных исследований, поскольку гендеризированный мир полон безумств, глупости, странности и иррациональности. Я помню, как в молодости я говорила: «То, что сегодня нам кажется выходящим за пределы здравого смысла, завтра станет частью здравого смысла!" Во многих смыслах мое предсказание сбылось, во всяком случае, в том, что касается гендера.

Около сорока лет назад, когда я была студенткой в 1970е годы, мир науки был все еще мужским, в котором женщин фактически не было. Мужчины и женщины объединились в ходе студенческого движения, но это принесло женщинам серьезное разочарование. Студенческий активизм оказался игрой для мальчиков, а не для девочек. Мужчины, участники движения оказались такими же сексистами, как и консерваторы.

После коллапса студенческого движения я продолжала изучать социологию просто для того, чтобы поддержать мораторий в моем отношении к реальному миру, у меня не было никаких академических амбиций. Я познакомилась с женскими исследованиями, которые только появились в Японии по американскому образцу. Это было настоящим откровением, и я поняла, что вполне допустимо изучать социологически свой собственный опыт. Я старалась ответить на трудный вопрос: кто я? И, отвечая на него, я осознавала себя, прежде всего женщиной. И я была не одна, кто рассуждал таким образом.

Я горжусь тем, что стала основательницей женских исследований в Японии. Мы тогда были автодидактами. Мы объединились в исследовательскую группу, учились друг у друга, издавали журналы и старались достучаться до своих читателей. Как молодой социолог, которому была скучна существующая в то время социология, я обратилась к теме гендера и сексуальности, которая меня чрезвычайно интересовала, и о которой не могла писать бесстрастно, без чувства гнева.

В Японии женские исследования зародились и развивались за пределами академии. Сначала мы не рассчитывали на получение преподавательских позиций, финансовую поддержку исследований, подписку на академические журналы. Поэтому мы создали все это автономно, для своего собственного поля. Женские исследования не считались серьезной академической дисциплиной. Но через 10 лет некоторые научные журналы стали цитировать выдержки из наших периодических изданий. Еще через 20 лет, в 1990е. мне предложили занять преподавательскую позицию на кафедре «Гендер и поколения» в Университете Токио, который считается самым престижным университетом Японии. Здесь мои студенты могут свободно выбирать такие исследовательские темы, как репрезентации женщин в комиксах для девочек, сообщества геев и лесбиянок, дискурсивная структура интернет-сайтов для одиноких матерей, и история мастурбации. Они могут писать на эти темы диссертации для получения степеней В.А., М.А., и даже Ph.D., хотя, надо сказать, их дальнейшая научная карьера не гарантирована.

Социология помогла мне развивать женские исследования. Если воспользоваться постколониальной метафорой Гаятри Спивак, можно сказать, что это предприятие было подобно «борьбе с использованием

оружия врага». Мне, автору книги Патриархат и капитализм (1990) удалось убедить читателей - мужчин, что в их отношении к женщинам есть некая проблема. Один из них признался мне: "Прочитав Вашу книгу, я понял, наконец, на что постоянно жалуется моя жена". Хотя, на самом деле он должен был просто выслушать свою жену. Но для того, чтобы мужчины могли понять проблемы, стоящие перед женщинами, мы, женщины, должны использовать язык гегемонии. Это напоминает постколониальную ситуацию, когда мы используем английский язык, чтобы выжить в академическом сообществе, где глобализация предполагает англофонный центризм. Именно поэтому я стала билингвой, используя английский и японский, мужской и женский языки, научный и повседневный язык, стандартный японский и диалекты и т.п. Место социолога - между этими позициями, поэтому, на мой взгляд, теория Карла Мангейма о позиции маргинального человека (мужчины и женщины) до сих пор имеет смысл.

Для научного сообщества женские исследования стали функциональным эквивалентом женскому движению.. Институициализиация женских исследований повлекла за собой вопросы. Мы взяли на себя ответственность, но к каким результатам мы пришли? Изменили ли женские движения мужской мир научных дисциплин? Или, может быть, институциализация женских исследований привела к тому, что они приспособились к существующему порядку? Такие же вопросы возникают, когда мы изучаем участие женщин в вооруженных силах. Возникает вопрос: меняет ли армию присутствие женщин? или, напротив, женщины сами милитаризуются, когда служат в армии? Что встречается чаще? Печально сознавать, что как показывает история последнее более вероятно, потому что институциализация поглощает диссидентов.

Мы все еще сопротивляемся таким базовым принципам научных дисциплин, таким как объективность, нейтральность, проверяемость и непререкаемость знания. Мы уверены в том, что без ценностного суждения мы не можем выбрать исследовательскую тему или проблему. Без приверженности к ценности мы не можем утверждать, что что-то работает не так. Без надежды на построение общества будущего мы не можем продолжать сложную и болезненную исследовательскую деятельность, которая получает лишь небольшое материальное вознаграждение.

Достигнув пенсионного возраста и получив статус emeritus профессора, я могу сказать только одно: я рада, что я социолог! Социология стала частью моей личности. ■

> СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ПРИЗВАНИЕ

Профессия социолога как жизненная судьба

Владимир Ядов, Институт социологии, РАН; вице-президент МСА в 1990-1994 гг.

Владимир Ядов.

Владимир Ядов - один из основателей социологии в СССР, где эта наука долгое время обозначалась как буржуазная. В ЛГУ он был основателем первой социологической лаборатории 1960e ΓГ, результатом исследований которой стала книга "Человек и его работа" и первый учебник по методологии, который определил лицо новой профессии. разработал социально-психологическую теорию саморегуляции социального поведения и был избран членом исполкома Европейской экспериментальной социальной ассоцации психологии. В постсоветский период он стал директором Института социологии РАН, развивая полипарадикгмальный подход в социологии. В течение многих лет он был послом российской социологии за рубежом; в 1990 - 1994 гг. он занимал позицию вицепрезидента МСА. ОН является ведущей фигурой либерально-демократической крыла российских социологов, противостоящих подъему консерватизма. Его любят исследователи многих поколений, которых он приобщил к социологическому знанию..

ак случилось, что в начале 60-х я стал социологом, и сегодня, подводя итоги жизненного пути, счастлив такому повороту в своей жизни. Долгие годы социологию в Советском союзе официальная пресса клеймила как «буржуазную псевдонауку», но в конце 50-х после осуждения режима Сталина наступил пора умеренного либерализма. Мне с коллегами удалось создать социологическую лабораторию в Ленинградском университете, в Москве в рамках Института философии Академии наук

было создано социологическое подразделение под названием «Сектор изучения новых форм труда и быта». Началось, можно сказать, социологическое движение. Однако решительно все из пионеров социологии имели разное базовое образование и осваивали новую профессию как студенты заочники (distant students) по учебной литературе (преимущественно на английском), каковую с трудом удавалось достать, так «самиздат» - машинописные что распространялся переводы на папиросной бумаге. Исключительно важное значение имели контакты с социологами из Польши, где профессия социолога прочно утвердилась как академическая дисциплина, а «железный занавес» этому не препятствовал. В рамках сотрудничества с восточно-европейскими государствами проводились и совместные исследовательские проекты. Мне повезло тесно общаться с Яном Щепаньским, Зигмунт Бауман просвещал меня в области теории, а Стефан Новак долгими часами объяснял методологические тонкости полевых исследований

Сейчас в должности декана факультета социологии Гуманитирного университета РАН я тесно сотрудничаю с социологическим факультетом Варшавского университета, декан которого Krzysztof Kosela наследовал кафедру своего профессора Новака. Профессиональное сотрудничество старшего поколения транслируется молодым.

В 1958 г. власти дали согласие на создание Советской социологической ассоциации под жестким идеологическим контролем. В уставе ССА было записано, что теоретической основой марксисткой социологии является исторический материализм, в постановлении о создании ассоциации перед ее членам ставилась задача пропагандировать преимущества марксисткой социологии на международных конференциях. Так или иначе участие молодых социологов в конгрессах МСА позволило расширить профессиональные контакты, причем между многими советскими социологами установились дружеские отношения с коллегами из разных стран.

В сегодняшней России социология - нормальная университетская дисциплина, но, увы (к сожалению), социологи не испытывают чувства профессиональной солидарности. Сообщество социологов расколото на несколько автономных ассоциаций. Одним из проявлением постсоветской «культурной травмы» (П.Штомпка) является поляризация в оценке состояния социологии советского и постсоветского периодов. Полемика в связи со статьей В.Вахштейна в Global Dialogue - наглядный тому пример 1

Сегодня, напротив, болезни общества - коррупция, межэтнические конфликты и проч.- стали лидирующей проблематикой исследований. Вместе методологический уровень даже академических исследовательских проектов, как правило, уступает тщательности исследовательской технологии ведущих социологов советского периода. Одна из причин слабый приток талантливых выпускников университетов на малооплачиваемую преподавательскую работу. массовом сознании профессию социолога отождествляется со спциализацией поллстера, причем (и не без оснований) ставят социологов многие ОДИН ряд с журналистами, в среде которых попадаются и безответственные субъекты, способные «подкорректировать» данные или же намеренно формулировать вопросы с желательным ответом.

В сложившейся ситуации социолог призван обладать гражданской ответственностью не меньше, чем профессиональными знаниями и навыками. Я остаюсь оптимистом, общаясь со студентами. Немногие из них выбирают профессию как служение обществу. Но в недалеком будущем, когда новые поколения выйдут на арену истории, именно эти юноши и девушки определят достойный облик профессионалов нашего цеха.

¹ V. Vakhshtayn, "On the Lamentable State of Post-Soviet Sociology." (Global Dialogue 2.3); Zh. Toschenko and N. Romanovsky, "On the Real State of Sociology in Russia: Opposing Vakhshtayn's Polemics" (Global Dialogue 2.5); V. Vakhshtayn, "We have it all. But do we have anything?" (Global Express 8.20.2012).

> Фавела для путешественников

Бьянка Фрейре-Медейрос, Фонд Гетулио Варгас, Рио де Жанейро, Бразилия

Санта Марта в восприятии художественного дуэта Дж. Кулхаас и Д. Урханан. Этот макет фавелы, выполненный ее жителями является примером эстетической интервенции, управляющей "туристским взором".

Фото Бьянки Фрейре-Медейрос.

уры ПО фавелам (трущобам) Рио де В Жанейро, районные туры в Кейптауне, трущобные туры Бомбее, Маниле, Найроби... Джакарте, Каире, С начала 1990х в контексте ускоренной экономической неолиберальных интеграции, режимов городского управления глобализованной медиа бедные территории, культуры

расположенные в мегаполисах Глобального Юга, превращаются в туристический товар с монетарной стоимостью, определяемой промоутерами и потребителями.

Жители трущоб в общей сложности составляют двадцать процентов населения Рио де Жанейро – около 1,3 миллиона людей проживают примерно в тысяче районов с сильно различающимися уровнями

В Санта Марте фотоаппарат туриста запечатлевает Поп- Короля, изображенного всемирно известным бразильским художником, Ромеро Бритто.

Фото Бянки Фрейре-Медейрос.

урбанизации и качества жизни. В международном воображении, вместе с карнавалами, футболом сексуальными женщинами, фавелы-трущобы являются частью стереотипного представления Бразилии. В бразильском воображении, как показывает обширная библиография, фавелы превратились центральную дискурсивную материальную реальность, на которую проецируются такие крупномасштабные проблемы неравенство, как насилие, Различные гражданство. социальные акторы обсуждают и стараются решить эти проблемы именно в связи с этой дискурсивноматериальной реальностью. процессе возникает феномен «путешествующей фавелы»: как пространство воображаемого мобильная сущность. Как глобальный товар и как торговая марка, фавела используется в рекламных кампаниях самой разнообразной массовой продукции, от автомобилей Citroën и Nissan до мебели Икеа, для добавления изюминки ресторанам, магазинам и клубам всего мира. Как туристическое направление, с одной стороны, фавелы являются частью глобальных нарративов переопределяющих практик, нищету как объект потребления. С другой стороны, они являются частью расширения называемых реалити-туров, обещающих прямой и безопасный контакт (под внимательным наблюдением профессионалов) с маргинальными территориями, идеализируемыми как полная противоположность мира, котором живет турист.

В Бразилии власти изначально игнорировали – а часто в принципе открыто осуждали – существование растущих потоков туристов, заполняющих территории, которые власти всегда пытались спрятать. В то же время, бразильские элиты

заявляли, что фавела-туризм - низкое занятие, марающее национальную репутацию И выставляющее нищих напоказ как в зоопарке. Теперь же, однако, разнообразные социальные акторы и институты переизобретают путешествующую трущобу-фавелу в соответствии с принципами городского маркетинга и предпринимательства в ожидании Кубка мира АФИФ (2014) и Олимпийских игр (2016).Два эпохальных события, разделенные почти пятнадцатью годами, помогают нам осознать эту значительную перемену и то, каким образом изменения консолидируются.

> Январь 1996 г.

Майкл Джексон приезжает в Бразилию, чтобы снять клип на песню They Don't Care About Us, спродюсированный Спайком Ли. Фавела Санта Марта гнездится в одном из обеспеченных районов на юге Рио де Жанейро, - одно из мест, где проводилась съемка. Оно было выбрано для того, чтобы подчеркнуть равнодушие властей и элит по отношению к городской нищете.

В то время как население Санта Марты в основном радостно отнеслось к событию, представители власти отреагировали возмущенно. Тогдашний мэр штата Рио де Жанейро, Марселло Аленкар, предложил Джексону проявить свои добрые намерения иным, более действенным, на его взгляд, помочь способом фавеле материально. Бывшая футбольная суперзвезда и тогдашний министр спорта, Пеле, заявил, что клип мог разрушить все шансы Бразилии на право проводить Олимпийские игры 2004 года.

Политическая обстановка накалилась еще больше, когда крупнейшие газеты Рио заявили, что цена за съемку в фавеле и найм 50 местных жителей для обеспечения безопасности являлись результатом договоренности между Спайком Ли и Марчиньо ВП, наркобароном из Санта Марты. Окружной прокурор

потребовал, чтобы съемки были приостановлены, утверждая, что она наносит серьезный ущерб туристической индустрии. Ли назвал Бразилию «банановой республикой», усугубляя тем самым чувство ущемленного самолюбия среди чиновников.

> Август 2010 г.

Фавела Санта Марта встречает тогдашнего президента Лулу, губернатора штата Рио де Жанейро Сержио Кабрала, и мэра города Рио де Жанейро Эдуардо Паса, на зрелищном событии – запуске программы Рио Топ Тур. При поддержке Министерства по туризму Бразилии, Рио Топ Туп становится одной из акций, проводимых в рамках программы Расіfying Police Units (Полиция правопорядка, UPP - португальский акроним) 1.

Президент Лула представил программу Рио Топ Тур как способ максимально использовать туристический потенциал «успокоенных» через фавел подключение самих местных жителей. Более того, они бы получали поддержку от государства реализации туристического потенциала. По иронии, событие произошло на том же месте, где Майкл Джексон снимал свой клип и где теперь стоит бронзовая статуя Короля поп-музыки, ставшая вместе с шаткими хижинами и великолепной панорамой океана одной из главных достопримечательностей в Санта Марте.

> Май 2013 г.

Когда я пишу эту статью, процесс адаптации K рынку туризма происходит не только в фавеле Санта Марта, но и в нескольких других «успокоенных» фавелах, где был наведен правопорядок. Этот процесс поддерживается гражданским обществом в целом, в том числе подкрепляется лидерами из самих фавел. Власть правительства применяется, в терминах Фуко, не через внешнее принуждение,

а через приписывание свободы и автономии жителям фавелы, которые теперь рассматриваются как потенциальные предприниматели турбизнеса.

Перефразируя Болтански, можно сказать, что ценность конкретной фавелы как туристического объекта теперь измеряется при помощи эффективности сервисов, которые она может предоставить туристам, а также ее способностью репрезентировать то, что ожидается от типичной фавелы, то есть нищету, определенный уровень беспорядка, контролируемое насилие, и радость. Следуя этой логике, туристы также оцениваются в соответствии с собственной рыночной стоимостью: они рассматриваются как клиенты, которые посредством своего присутствия И разнообразных совершаемых ими покупок билетов, сувениров, напитков и еды и так далее - делают вклад в социальное и экономическое развитие фавелы.

Важно отметить, что в данном случае мы не являемся свидетелями уменьшения правительственного вмешательства. В то время как в путешествующую фавелу приезжают туристы, а она сама путешествует по свету, паттерны мобильности внутри как тех фавел, где был наведен правопорядок, так и тех, где этого не было сделано, остаются в большой степени под контролем как легальных, так и нелегальных аппаратов власти. Мы видим, таким образом, переформулировку стратегий, тактик и процедур по регулированию территорий, которых все сильнее захватывает рынок. ■

¹В апреле 2013 года, «правопорядок» был восстановлен в 32х фавелах Рио де Жанейро по приблизительно одинаковой схеме: правительство объявляет о плане зачистки определенной фавелы затем ВОРЕ (аналог спецназа) врывается в нее. Преступникам дается время на то, чтобы покинуть фавелу, таким образом, власти избегают открытого противостояния между местными жителями и полицией

> Что стоит за текстильной катастрофой в Бангладеше?

Маллика Шакья, Университет Южной Азии, Дели, Индия

Жертвы аварии на текстильной фабрике в Саваре, около г. Дхака, Бангладеш. Фото Таслимы Ахтер.

обрушения результате фабричного здания в Саваре (Бангладеш) апреле 2013 года погибло более 1100 работников текстильной промышленности. Несмотря на широкий общественный резонанс, мало было до сих пор сказано о глубинной системе эксплуатации, которая позволила произойти катастрофе такого масштаба.

Те, кто знаком с бурной историей текстильной промышленности, знают, что она насыщена частыми авариями несчастными И случаями, и что катастрофа в Бангладеш могла произойти где угодно в Азии или Африке. Несмотря на это, рабочие и профсоюзы отреагировали ДОВОЛЬНО вяло на известие об обрушившемся в Бангладеш. Однако здании слышны голоса хорошо были потребителей продавцов и текстиля в Европе и США, что способствовало распространению и популяризации определенной, достаточно однобокой интерпретации катастрофы.

> «Ориенталистская журналистика»

«В Бангладеше произошла еще одна катастрофа, которой можно было избежать», писали Нью-Йорк Таймс. Подобные заявления, СЛОВНО эхо, прокатились и по газетам И новостным Другим БиБиСи, Globe and агентствам -Mail, Рейтерс и другим. Все они отказывались видеть в этом кризисе нечто большее, чем очередной несчастный случай, типичный для третьего мира и обусловленный жадностью предпринимателей, коррумпированностью политиков. некомпетентностью бюрократов и многочисленным стратой бедняков, готовых рисковать своей жизнью на работе ввиду отсутствия какихлибо альтернатив. Ориенталистская перспектива по своей сути является также рационалистской убеждает буржуазного покупателя в том, что решение проблемы заключается в аресте владельцев завода и наложении штрафа на транснациональных закупщиков.

Изначально медиа обвинили Сохела Рану, владельца злосчастного здания, который якобы заявил, что оно соответствовало установленным стандартам безопасности. Через четыре дня после катастрофы, когда число погибших достигло четырехсот, небольшую группу закупщиков заставили выплатить компенсации жертвам. Через неделю, после того, как стала известна новая цифра -700 смертей - Евросоюз пригрозил Бангладеш отзывом лицензии на беспошлинный экспорт текстиля европейский рынок. Через месяц, когда количество смертей по официальным данным превысило 1100, правительство Бангладеш внесло в Трудовой кодекс поправки, позволяющие работникам текстильной индустрии основывать профсоюзы. Вскоре после этого ООН поставила под вопрос легитимность индикаторов проекта Doing Business (Ведение бизнеса) Всемирного Банка, который ранее провозглашал гибкость рынка труда как основное условие промышленной конкурентноспособности.

Одной из основных причин катастрофы. онжом сказать, лежащей у ее истоков, является организация труда на фабрике. Большинство работников Рана Плазы умерли потому, что их вынуждали продолжить работу даже после того, как стены здания потрескались, и все остальные арендаторы были эвакуированы. У работников не было профсоюза, который мог бы противостоять владельцу завода. То, что индустрия, в которой заняты 3,5 миллиона человек в современной, демократической стране, оставалась настолько неорганизованной, указывает на то, что виновны не только международные и местные капиталисты, контролирующие этот промышленный сектор, но и регулирующие ее специалисты области вопросов развития. Организации ПΩ оказанию международной помощи сохраняли гегемонию в отношении управления

После заключения МВС под влиянием усилившейся конкуренции были пересмотрены правила торговли. Они привели к формированию прекаритетных паттернов текстильного производства.

процессом индустриализации третьем мире, и они также несут вину за то, что рабочие текстильной промышленности фактически превратились в невидимок. Это очевидно после анализа таких документов как индикаторы Doing Business Всемирного банка или режим Международного кодекса Международной организации труда. В обоих утверждается, что производительность труда И безопасность должны обеспечиваться в соответствии с решениями местных капиталистов трудовых инспекторов. Благодаря гегемонии этой доктрины, развитие профсоюзного движения текстильной промышленности было предотвращено не только в Бангладеш, но и в других странах Азии и Африки. Деполитизация труда происходит из-за редукционистского понимания индустриализации как функции исключительно рыночного спроса и предложения. При этом индустриализация ошибочно отделяется OT политэкономии, представляющей собой базу для предпринимательства.

> Мультиволоконное соглашение (MBC)

Ошибочно полагать, что «рынки» сами по себе ответственны за развитие текстильного рост и монстра, запустившего когти в удаленные уголки планеты. Трудоемкая природа этой отрасли промышленности действительно часто привлекала рабочих мигрантов И впоследствии способствовала появлению мобильных рабочих цехов. Американские цеха девятнадцатого века были плотно укомплектованы приехавшими В Новый Свет еврейскими иммигрантками из Восточной Европы. В середине двадцатого века большая доля текстильной промышленности переместилась В Восточную Азию. Но последний эпизод в глобальном распространении текстильной промышленности связан со сложной торговой схемой, тщательно разработанной

правительством США. Действиями американского правительства была создана новая система мировой торговли текстилем.

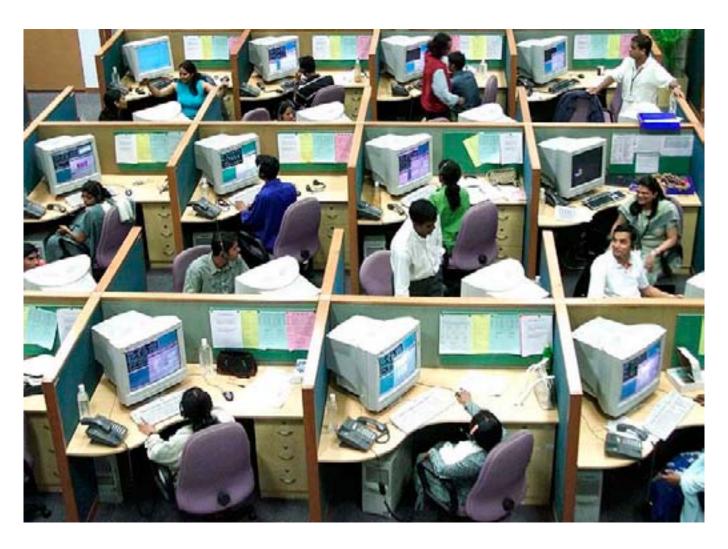
Мульти-волоконное соглашение (МВС)1974 года определяло детально по штучно и с указанием моделей изделия - сколько единиц текстиля каждая страна третьего мира имела право экспортировать в США. Каждая единица текстиля, экспортированная из любой точки планеты между 1974 и 2004 г, была обязана получить индивидуальную перед пересечением американской границы. Так как в центре внимания оставался стратегический интерес США, потенциальные соперники вроде Китая наделялись квотой меньшего объема, в то время менее опасные страны, такие как Бангладеш или Лесото, довольствовались квотами объема. В большего таком случае нас не должно в принципе удивлять TO, **4TO** текстильная промышленность, фактически не существовавшая в Бангладеш до 1970 года, росла в геометрической прогрессии, и всего лишь за несколько десятилетий обеспечила рабочими местами 3,5 миллиона человек.

МВС изначально принималось как временный инструмент, однако срок его действия продлевался четыре раза - в 1977, 1981, 1986 и 1994 гг.- что укрепило его позиции и дало надежду на то, что оно и вовсе станет постоянным. Однако создание ВТО в 1995 году все изменило: новая организация приняла решение, что MBC должно прекратить свое действие в декабре 2004 года. Окончание срока действия MBC внесло фундаментальные изменения в мировую текстильную промышленность. В то время как текстильная промышленность исчезла фактически таких странах как Непал и Индонезия, Китай и Бангладеш оказались в роли победителей сложившейся конкуренции. Это укрепило неолиберальный ВЗГЛЯД на вопросы развития, в соответствии С которым зарплаты должны быть минимальными, условия работы - незащищенными, а уровень безопасности на рабочем месте должен определяться Последнее закупщиками. провозглашалось неизбежным злом, необходимым для развития конкурентоспособности.

To, что MBC планировалось временный как инструмент и то, что одной из заповедей неолиберализма является идея о «неизбежном зле», объясняет, почему большинство текстильных фабрик в Бангладеш находятся небезопасных зданиях, построенных без получения необходимых государственных лицензий. Мэр, выдавший разрешение на строительство Рана Комплекса, обрушившегося прошлой весной, поступил таким образом потому, что Агентство строительной безопасности города Дака на тот момент просто не могло справиться с темпами роста текстильной индустрии. Единственными виновными этом ужасающем инциденте были объявлены производитель и несколько закупщиков, в то время как более крупным акторам все сошло с рук. Такие действия напоминают примерное наказание одного расиста и при проведении игнорирования апартеида. Кризис вокруг событий на текстильной фабрике вызвал беспрецедентный социальный взрыв и привел K распаду общественно-политической гармонии в Бангладеш. Причинами этого кризиса являются неудачи глобального торгового аппарата и апатия специалистов по развитию они не менее важны, чем дефекты строительства Рана Комплекса или действия Джо Фреша.

> Ваша статья только что подверглась аутсорсингу

Джеффри Дж. Саллаз, Университет Аризоны, США

Аутсорсинг на Филиппинах.

ак большинство научных работников, я долгое время имел достаточно смутное представление о том, что происходит с моими статьями после того, как социологический журнал принимает их к публикации.

Если бы я задумался об этом, я бы, наверное, предположил, что редактор журнала передает мою статью специализированному корректору, работающему в соседнем офисе. В течение десятилетий, разнообразные материальные ограничения

именно TOT факт, что а многочисленные бумажные манускрипты не могут свободно и быстро преодолевать большие _ способствовали расстояния пространственной концентрации академического издательского процесса. Офисы журналов, команды редакторов и печатные станки обычно находились в одном и том же регионе, городе или здании, соединенные друг с другом различными организационными и межличностными связями.

Но эта модель стремительно уходит в прошлое. В течение последних нескольких лет занимался изучением «аутсорсинга производства знания» в Юго-восточной Азии. Более года я проводил полевую работу в нескольких фирмах, специализирующимися на предоставлении услуг издателям, находящимся на Глобальном Севере. Теперь эти фирмы нанимают целые армии молодых людей и платят им минимальную зарплату за то, что те работают ставки корректорами, наборщиками, специалистами по электронным документам и так далее. Из-за этого издательские фирмы начинают напоминать крупные сборочные иностранных корпораций, которые можно найти на всей территории Глобального Юга.

> Издательские гиганты

Если фирмы, занимающиеся аутсорсингом - это аналоги Foxxcon в формирующихся цепочках поставок знания, кто тогда является аналогом Apple? Чтобы ответить на этот вопрос. нам, придется проанализировать продолжающуюся трансформацию в процессе издания научных книг. Это теперь не рассеянная сеть издательских точек, связанных с университетами, а «издательские гиганты». как ИΧ назвали редакционной статье журнала Chronicle of Higher Education.

Это крупные фирмы, действующие на публичном рынке и агрессивно

преследующие цель приобретения собственности академические журналы. Хотя журналы по социологии, вместе с журналами в более «мягких» гуманитарных наук, до сих пор не часто становились целью таких приобретений, этого нельзя сказать о журналах по естественнонаучной тематике. Такие журналы все чаще оказываются в руках глобальных издательских конгломератов, функционирующих как машины по получению прибыли.

Наиболее известный из подобных монстров - издательство Elsevier B.V. Расположенное в Амстердаме, оно принадлежит крупной издательской группе Reed-Elsevier, находящейся в списке лондонской фондовой биржи и множества других бирж. По данным журнала The Economist, издательство Elsevier B.V. владеет более чем 2000 академических контролируя 25% журналов, всего контента, публикуемого по медицинской и естественнонаучной тематике. В 2012 году размер прибыли издательства составил 40%.

В настоящее время многие ученые бойкотируют журналы, которыми владеет Elsevier, так как фирма требует непропорционально высокую плату за доступ к статьям как у индивидуальных потребителей, так и у учреждений. Но бизнес модель, утилизируемая издательством и его собратьями, выходит далеко за пределы вопроса о распространении научного знания. Она просочилась во все сферы производства научной продукции.

> Цепи поставщиков

Издательские фирмы используют множество новых технологий, которые исследователи и сами применяют в своей работе и в процессе научной коммуникации. Электронная почта, προτοκολ файлового трансфера FTP, текстовые редакторы, базы данных и так далее приводят к тому, что уходит в прошлое привычная необходимость территориальном соседстве различных ступеней издательского процесса. Автор может свободно отправить свою работу в журнал по электронной почте. Таким же образом, журнал может перенаправить документ коллегам, расположенным в любой точке мира.

Новые издательские концерны вроде Elsevier vхватились эту возможность, создав целую сеть «подрядчиков», с помощью которых производится аутсорсинг возрастающего количества издательских услуг. «Подрядчики» соревнуются собой между право заключить с издательством договор на предоставление своих услуг в течение одного-двух лет. Они предлагают сносное качество максимально низкой цене. Это предполагает, что к процессу выпуска журнала применится вся совокупность техник по управлению цепью производства, похожих на те, что используются на заводах и в колл-центрах. Из работы убирается компонент творчества, искусства. Преследуется цель максимальной автоматизации. Работников подталкивают постоянному Κ увеличению производительности под угрозой увольнения.

Чтобы обрисовать всю сложность производственного процесса по вышеописанной схеме, приведу следующий пример: если ваша следующая работа будет принята журналом, работающим по такой схеме аутсорсинга, то она побывает на компьютерах 40 или 50 рядовых работников в Глобальном Юге, каждый из которых получает около 50 центов в час за разнообразные манипуляции.

Например, в одной из фирм, в которой проводил полевые Я исследования, производственный процесс проходит следующим образом. Авторы, чьи работы были приняты для публикации, присылают последнюю версию работы в формате документа Word. Журнал затем посылает документ по FTP в базу данных на Филиппинах. многочисленные «младшие «обработчики редакторы» И

документа» выполняют разнообразные действия, такие, как выравнивание границ, форматирование сносок И Т.Д. Затем работа направляется в один из центров в Индии, где недавние выпускники университетов, прошедшие экспресс-курс техническому редактированию, просматривают работу ДΛЯ выявления очевидных типографских ошибок. или грамматических Ha следующем этапе работа возвращается на Филиппины, где наборщики превращают ее в PDF-матрицу, перед тем как снова отослать в Индию, где команда аналитиков вновь устраняет возможные ошибки.

До недавнего времени все, кто работал над текстом, сносно владели английским языком. Но теперь последняя версия файла PDF отправляется во Вьетнам, где компания использует труд легионов говорящих на английском работников, зарабатывающих лишь долю того, что получают их коллеги с Филиппин или из Индии. Они просматривают каждый файл, производя такие рудиментарные действия, какпроверка межстрочных интервалов, размера полей и так далее. Но на этом путешествие не заканчивается, и файлы вновь отправляются Филиппины, на абсолютно новая команда собирает воедино несколько статей для создания окончательной электронной и печатной версий журнала. От начала до конца весь процесс занимает немногим более одной-двух недель.

> Наука по принципу Foxconn

Каким образом социальные исследователи, приверженцы базовых принципов социальной справедливости, должны

реагировать на аутсорсинг как ключевой компонент научного производства? На этот вопрос нет однозначного ответа. Призывы бойкотированию журналов, применяющих аутсорсинг, ради сохранения рабочих мест тех, кто уже нанят, будет означать, что мы поддались потенциально ксенофобским формам протекционизма. Если индийский филиппинский технический редактор может справиться с работой так же хорошо, как американец или канадец, почему мы должны препятствовать этому?

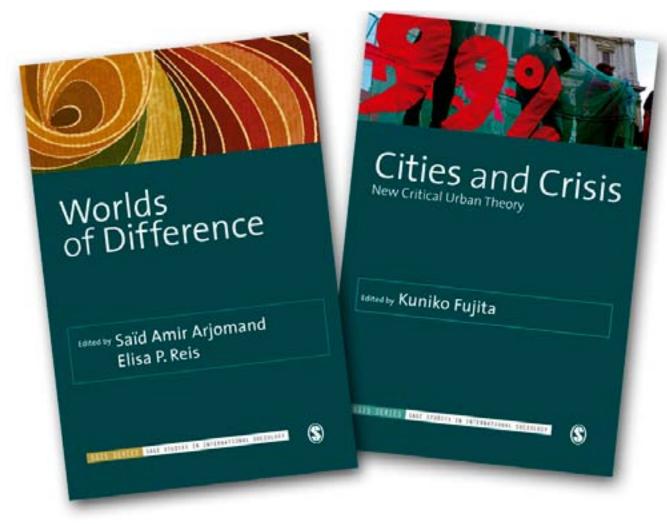
С другой Если же, стороны, качество наших работ постоянно страдает из-за этой системы, у нас есть полное право действовать образом. подобным Однако, если не принимать во внимание анекдотические примеры, кажется, что при применении аутсорсинга конечный результат не является некачественным. На последней конференции МСА я не заметил, чтобытипичный посетительотказался от использования ноутбуков Мас или айфонов, несмотря на то, ОН наверняка критически относится к жесткому менеджменту, применяемому компанией Apple в отношении азиатских поставщиков. Возможно, мы готовы хладнокровно отнестись к ситуации в науке, напоминающей то, что происходит с компанией Foxxcon и продукцией Apple, пока аутсорсинг позволяет нашим статьям публиковаться за максимально короткий срок, максимально широком спектре источников (от печатных журналов до их онлайн версий и электронных книг) и лишь с небольшой потерей качества?

Во всяком случае мы можем потребовать, чтобы нам предоставили большее информации

о том, что происходит с нашими работами и манускриптами после того, как они принимаются для публикации. Издательства идут на хитрости ради того, чтобы скрыть от авторов изощренные пути, по которым проходит работа публикацией. Например, перед техническим редакторам иногда запрещают рассказывать о своей национальности или месте работы, в процессе переписки с авторами статей. Но это противоречит стандартной практике в сфере производства и обслуживания. Американские автопроизводители раскрывают информацию о том, какой процент деталей каждого автомобиля был произведен в США и какой - за границей, в то время как Apple маркирует каждый продукт значком «Разработано в Купертино, собрано в Китае». Новой породе корпоративно-академических издателей не следует позволять усидеть сразу на двух стульях. хотят создавать сложные глобальные схемы производства и аутсорсинга, необходимые для снижения стоимости производства, и одновременно с этим постоянно повышать цены на свою продукцию. Это означает, что мы, ученые, являющиеся и производителями, и потребителями в этой необычной индустрии, заслуживаем, чтобы нам предоставляли больше информации о жизни и условиях труда тех, кто работает над превращением наших изначальных идей в безупречные статьи.

> Членам МСА книги со скидкой

Суджата Пател, Университет Хайдарабада, Индия, редактор Sage Studies in International Sociology

Первые книги серии SSIS, которые издаются в Индии по новым ценам.

адостная новость для членов MCA: теперь все книги, опубликованные в серии Sage Studies in International Sociology (SSIS) будут доступны для них по цене £9.99, почти за одну десятую часть старой цены. Цена включает

в себя почтовые расходы. Мы начинаем новую ценовую политику со следующих двух книг: Worlds of Difference (ред. Said Arjomand and Elisa Reis) и Cities and Crisis, New Critical Urban Theory (ред. Kuniko Fujita). Члены МСА из Индии будут иметь доступ к этим книгам через Sage India, и каждая книга будет стоить 750 рупий. Дата выпуска: август 2013 г., см. http://www.isa-sociology.org/publ/isa_handbooks.htm.

Мы также открываем новый проект - Ключевые тексты мировой социологии. Он продвигает идею публикации продуктивных социологических текстов, написанных авторами, которые живут вне атлантического региона. Эти тексты будут объединять в себе работы самых влиятельных социологов из различных регионов мира. В настоящее время мы предлагаем опубликовать ключевые тексты авторов из 1) Восточной Азии (Китай, Япония, Корея и Тайвань) 2) Латинской Америки 3) Центральной и Восточной Европы (Болгария, Чехия, Венгрия, Польша, Румыния, Словакия) 4) Африка 5) Арабского мира.

Sage Studies in International Sociology – одна из старейших издательских серий MCA. Изначально она называлась Transactions of the World Congress of Sociology и издается с первого конгресса ассоциации в 1949 году. Изменения в название были внесены MCA в 1974 году. С того времени продолжалось издание материалов Мировых конгрессов, Исследовательских комитетов, конференций Национальных ассоциаций и др. Публикуемые как авторские и редактированные тексты, доступные в форме монографий и справочников, эти книги (а они насчитывают более 60) внесли важный вклад в дисциплину, порождая разнообразные социологические дискуссии.

Несмотря на признание и значимость, продажи книг из этойсерии остаются на низкомуровне. Учитывая высокие цены (£80 - 90), даже на Глобальном Севере сфера распространения книг в основном ограничивается библиотеками. На Глобальном Юге их не найдешь и там. В течение последних трех лет при активной поддержке

Комитета по публикациям МСА, вице-президента и президента МСА – я старалась уговорить издательство Sage Publications в Лондоне, которое публикует книги этой серии, начать производство этих книг в Индии, где у книг очень низкая цена (около £10).

К сожалению, мы столкнулись со сложной проблемой, связанной с тем, что издания классифицируются либо как международные (публикуемые на Глобальном Севере), либо как региональные (публикуемые в любой части Глобального Юга). Книги, издаваемые в Индии или любых других развивающихся странах, издаются и распространяются в данном регионе, потому у них соответствующая цена. В то же время книги, издаваемые в любой части Глобального Севера, издаются и распространяются с расчетом на покупателей всей планеты, и они продаются по международным расценкам. Bce крупнейшие международные издательские фирмы (такие как Sage, Oxford, Routledge) заключили торговые соглашения со своими филиалами в развивающихся странах. В соответствии с этими договорами применяется дифференцированная ценовая политика.

Однако это препятствие удалось в некоторой степени преодолеть. Мы уговорили издательство Sage передать производство книг серии SSIS в Индийский филиал и предоставить членам МСА возможность воспользоваться огромной скидкой на все будущие издания. Мы также сможем продавать книги в Индии (не членам МСА) по индийским ценам (однако в других регионах Глобального Юга мы будем вынуждены продавать их по международным ценам). Мы безмерно благодарны издательству Sage за поддержку этой инициативы и за то, что нам была предоставлена возможность сделать первые шаги в устранении неравенства в глобальной издательской индустрии. Мне бы хотелось попросить членов МСА воспользоваться этой возможностью и содействовать успеху новой политики. Покупайте книги серии и рассматривайте ее как потенциальное место для ваших будущих публикаций.

> Между двумя социализмами

Мария Иванчева, Центрально-Европейский университет, Будапешт, Венгрия

огда я училась в Лондоне 2004 году, я пришла встречу солидарности Венесуэлой. Главной темой вечера была боливарианская реформа. образовательная Приглашенный лектор, венесуэльский педагог Оскар Негрин, начал свое выступление со следующих слов: «В Венесуэле вместо того, чтобы заставлять детей зазубривать абстрактные термины, мы учим их самым главным словам мама, мир, Чавес. Мое сердце часто забилось, потому что я моментально вспомнила эпизод школьного детства социалистической Болгарии. репетиции концерта нашего класса учительница, товарищ попросила меня взять за руку мою маму и прочитать стихотворение со следующими строчками: «лучшая мама на свете - это героиня Партии». Я не знала, кто такая Партия. Я только знала, что лучшая мама в мире - моя мама. Я сказала об этом учительнице. Повисла Misión Ribas - одна из множества программ социальной справедливости, которые называются Боливарскими миссиями. Программа запущена при правлении Уго Чавеса. Обеспечивает доступ к высшему и среднему образованию тех, кто вынужденно бросил учиться

неловкая тишина, и учительница поменяла мне стихотворение, а через год, в 89м, попросила нас забыть слово «товарищ» и называть ее «госпожа». Вернемся в Лондон. Я встала, развернулась и вышла из зала, и Негрин вместе с аудиторией увидели спину школьницы далекого 88 года, которая, в дни первых продемократических демонстраций в Болгарии, прыгала, потому что, как говорилось в стишке, популярном «кто не прыгает, тот красный».

уходила Когда Я мероприятия, во мне боролись удовлетворение Δва чувства: оттого. что последовала антикоммунистическим принципам семьи и Болгарской академии, и озабоченность тем, что я преждевременно и не вполне обоснованно радовалась концу социализма.

Сейчас, после полутора лет полевой посвященной реформе высшего образования в Венесуэле. я знаю, как поверхностно было мое удовлетворение и как оправдана озабоченность. Я занялась этой темой не для того, чтобы излечить себя от антикоммунизма. Меня заинтриговал необычный контраст университетами, двумя между открытыми бывшими лидерами оппозиции после транзита от социализма K либеральной демократии - в Восточной Европе и в Венесуэле. Центрально-Европейский университет, где я училась в аспирантуре, был учрежден в 1991 г. миллионером Джорджем Соросом, восточноевропейскими диссидентами и западными либеральными интеллектуалами.

Частный англоязычный университет ΠΟCΤΔИΠΛΟΜΗΟΓΟ образования представлял локальные интеллектуальные традиции как фашистские или этно-националистические, тоталитарные коммунистические. Он обучал студентов целевой группы представителей «новой постсоциалистической элиты» «универсальным» пенностям Западной либеральной демократии и англо-американской науки.

В отличие от него, Университет им Боливара в Венесуэле (УБВ) предмет моей кандидатской диссертации был придуман Президентом Уго Чавесом как поле деятельности социалистических интеллектуалов. Его открыли В 2003 году после попытки свержения боливарианского Чавеса режима И забастовки высококвалифицированных рабочих нефтеперерабатывающей промышленности. Оба события, произошедшие благодаря финансовой помощи Пентагона, показали, что чавесовская политика редистрибуции доходов от добычи нефти в корне не принималась про-американской венесуэльской элитой, обладавшей монополией сравнению знание ПО рядовыми работниками в данной сфере. Чтобы противостоять этому доминированию, в русле политики высшего образования Misión Sucre, университетпредлагал справедливое, децентрализованное массовое высшее образование более чем полумиллиону бедных венесуэльцев. Университет работал в соответствии с такими ценностями, как локальное знание. междисциплинарность, общественные прикладные науки, с целью оказания помощи маргинализованным сообществам.

Я приехала в Каракас с ясным пониманием того, что, болгарское происхождение и опыт обучения в ЦЕУ заставят меня подозрительно относиться к властям: эти ожидания показались обоснованными, когда я услышала на первых лекциях (которые я посещала как вольнослушательница), что ЦЕУ - «фашистский» институт, «выпускающий шпионов ЦРУ». Однако менее чем через месяц я поняла, что в Венесуэле не тоталитарный режим и что за мной не следят. Я приехала в страну со свободными

выборами, в которой коммерческие СМИ открыто нападали демократически избранное правительство. После ознакомления с анти-элитистской риторикой и инклюзивной образовательной практикой моих информантов социалистов-интеллектуалов, членов венесуэльского студенческого движения в период «либеральной демократии» (1958-1998) поняла, в чем причина моего предубеждения. Я была продуктом болгарской и восточно-европейской пост-социалистической акалемии: элитистской. претенциозной. некритически принимающей на веру западные ценности. В постоянном стремлении самоколонизации K болгарские интеллектуалы, том числе социологи, понимали академию безопасную как гавань, находясь в которой они МОГЛИ коллективно испытывать выражать СТЫД ПО поводу «нецивилизованных» сограждан в своей «отсталой» стране. Высшее образование, соответственно. основано было на даже не противопоставлении скрываемом «хороших» студентов «плохим» без малейшего упоминания классового неравенства, породившего различия. Приверженность западным нормам, стандартам цитирования, индексам и рейтингам шла рука об руку с настойчивым требованием «объективности» В науке стигматизацией приверженности как «идеологизированности», кроме тех случаев, когда эта приверженность служила идеалам свободного рынка.

Хотя я приняла принципы УБВ, я понимала сопутствующие трудности и противоречия. Несмотря на то, что в 1989 году в Восточной Европе был объявлен «конец истории» окончательная победа либеральной демократии социализмом над в Венесуэле Холодная война далеко не закончилась. Учитывая исторический опыт Чили 1973 года, кубинское эмбарго, угрозу нового переворота в Венесуэле, правительство не могло продвигать реформы насильственным образом. Значительные изменения коснулись университетского образования. Академическая автономия, которую защищали венесуэльские левые студенты в кровавых битвах в течение ХХго века, теперь, по иронии, в качестве аргумента использовалась их противниками. реформированию Сопротивляясь государственных старых университетов и отказывая

признании новых «Боливарских», консервативные ученые помогли воссоздать бытовавшую стратификацию на новом уровне. Бюджет и аккредитация входили в компетенцию официальных органов и полностью определялись ими. Высокий спрос на образование для бедных вынудил правительство нанимать для преподавания в УБВ и его филиалах в основном людей с дипломом бакалавра.

Двойная необходимость - «повысить» статус преподавательского состава УБВ так, чтобы его программы были аккредитованы, и использовать Университет как инструмента глубинных социальных изменений создали двойной стандарт. Ученые УБВ были вынуждены овладевать жаргоном традиционных академических дисциплин, а также разбираться с культурными кодами бедных сообществ. Им пришлось одновременно действовать согласно нормам академического отличия, и сопротивляться им их на их территории.

Мой социалистический опыт привел к тому, что мне понадобилось особенное усилие ДΛЯ того. чтобы мои глаза открылись на реалии социализма XXIго века. Теперь передо мной стоят новые трудности. Пытаясь объяснить противоречия венесуэльской системы, я часто сталкиваюсь с тем, что левые западные ученые и их коллеги, желающие видеть латиноамериканский социализм исключительно сквозь розовые очки, объявляют меня правой. В Болгарии то, что я не называю Венесуэлу «тоталитарной», заставляет местные журналы отметать мои работы как предвзятые. К счастью, мои профессора и коллеги в ЦЕУ лучше всего понимают продолжающуюся академическую Холодную войну. И все равно, одно я знаю наверняка: да, я ушла с той встречи в Лондоне, но мне предстоит долгий путь...

> Были-небылицы софийских улиц

Мартин Петров, София, Болгарский Университет

На дне и вне социума – софийский клошар. них нет собственности. Они не принимают участия в производстве капитала, даже сдавая пустые пивные бутылки. Они населяют публичное пространство, в котором они пьют медицинский спирт, купленный в соседней аптеке и разведенный водой из общественных фонтанов в бутылке, вытащенной из мусорного бака – прямо рядом с роскошными

барами под открытым небом, занимающими часть парка государственным театром. Однако они не чужды символическому порядку, производимому капиталом. Напротив - они чувствительны к нему и разработали стратегии для того, чтобы более чем успешно вписаться в него. Это софийские клошары - бездомная интеллигенция.

Я познакомился с Е., когда учился на философском факультете. Он работал обнаженной моделью и проводил свободное позирования время, прогуливаясь ΟΚΟΛΟ Софийского университета. Мой однокурсник доставал для него (и наоборот). Имя Е. героин крайне необычно для Болгарии. Его отец - итальянский еврей, а мать - французская еврейка. Его отец был правой рукой премьерминистра Луканова, о котором говорили, что он «назначал» новых болгарских миллионеров в 1990 перераспределяя году, леньги коммунистической партии В пользу людей из социалистической разведслужбы. После убийства Луканова в 1996 году отец Е. был вынужден бежать из страны. С тех пор его не видели. Мать Е. работала бухгалтером в той же разведслужбе. После 1990 года она заинтересовалась потусторонним1 и написала книгу «Человек, дух, космос: энергетическо-информационный обмен». Затем она уехала в Непал, где ушла в монастырь. С тех пор ее, как и отца, не видели.

Я не хочу сказать ни то, что все эти истории соответствуют действительности, ни TO, они - фикция. Они - коллекция экзотических сюжетов социальной жизни Болгарии последних десятилетий. Такова и история жизни самого Е. Будучи номенклатурным ребенком, до 1989 года он учился в высшей школе искусств в Веймаре. В 90м он был одним из обитателей Магура, уголка Софии, известного тем, что там нелегально обменивали доллары и марки, и где, по слухам, многие нувориши сколотили свой первый капитал. Там он предлагал людям угадать, под каким стаканом лежит шарик,

или угадывал, кто какую карту загадал. Он закончил кафедру актерского мастерства в Софийской театральной академии, потерял работу в театре из-за проблем с алкоголем и наркотиками, а потом упал с трапеции, выступая в цирке с акробатическим номером

Я снова встретился с ним пару лет назад. У него не было работы, но он слез с иглы и жил на чердаке. алкоголь и сигареты зарабатывал, декламируя стихи посетителям парка. Он все еще рассказывал историю о том, как разбил отцовский Мерседес. Вскоре его выгнали с чердака. Я познакомился также с его друзьями другими изгоями, пьющими пиво или медицинский спирт из соседней аптеки в маленьком парке неподалеку от Национального театра. Больше всего меня поразило то, что не только у Е. было в запасе множество историй. Каждый член сообщества представлял себя, используя некую экзотичную характеристику, о которой мог рассказать целую историю. Один был русским, изучавшим славянские языки и культуру, другой - армянином, третий ковбоем в стоптанных сапогах и шляпе с пером. Очевидно, его идентификация с далекими экзотическими странами, так сильно отличающимися от его повседневности, состоявшей из поиска мелочи и крова на одних и тех же улицах и в парках в центре Софии, являлась компенсацией признанной утраты социально идентичности и каких бы то ни было ожиданий от жизни.

Но каждый из этой группы помнил лучшие времена. Одного выгнала, вместе с двумя маленькими сыновьями, жена, другой так и не смог получить работу, закончив университет. У многих было высшее образование. И благодаря какому-нибудь родственнику, другу или культурному капиталу, оставшемуся от «прошлой» жизни, они представляли собой менее плачевное зрелище, чем грустные осунувшиеся тени, гуляющие по парку и собирающие стеклянные бутылки, оставленные модной молодежью, также облюбовавшей это место. Таким образом, стратегия само-экзотизации также отделяла их от еще более несчастных, у которых не было даже истории и которые разговаривали исключительно сами с собой. Е. говорил о себе: я не клошар, я клош-арт.

Мне казалось, что все они связаны отношениями, дружескими стоило мне остаться наедине с кем-то из них, каждый рассказывал о том, как ужасны остальные: А. сбежал с мелочью, поданной прохожими на пиво, Б все еще сидел на наркотиках, В спал с невероятно уродливой девчонкой. Лишенные минимальных средств существованию, признания или амбиций, софийские клошарты испытывают особо острую и болезненную потребность в том, чтобы отличаться от других, и не располагают другими средствами достижения этой цели (с помощью потребления, например) кроме чистого творчества, приправленного капелькой злобы.

¹ Тема, довольно модная в первые годы после падения социалистического режима. См книгу (на болгарском) Мартин Петров «Дискурс о потустороннем в Болгарии начала 90х» Sociological Problems 2010 1-2: 268-283

> Посткоммунистическая дискуссия о Холокосте в Болгарии

Георгий Медаров, Софийский Университет, Болгария

Фотография из коллекции Еврейского Исторического музея в Белграде. Болгарские полицейские контролируют депортацию евреев из окупированного Болгарией Скопие.

орис Халбвакс объяснил нам, что социальная память непосредственно формированием коллективной идентичности. Жаркие политические дебаты о судьбе еврейского болгарского населения во время Второй Мировой войны, развернувшиеся после 1989 года, показывают нам, как прошлое формирует современную политику. 1990e ГОΔЫ Холокост стал основным символическим формирующихся ресурсом, политических субъективностей. нему обращались, чтобы провести различие между бывшими коммунистами антикоммунистами. Обе позиции пост-политическую разделяли утопию будущего: европейскую интеграцию, неолиберализацию,

демократизацию, etc. В этом контексте, как отметил болгарский Райчев. сопиоуог Андрей проектировались различия Центральная прошлое. дискуссии звучала так: "Предшествовал ли фашизм коммунизму?" Антикоммунисты консервативным занялись историческим ревизионизмом под лозунгом «Хватит с нас сорока пяти лет коммунизма!». Они утверждали, что фашизм стал коммунистической гиперболой, призванной легитимизировать социалистический режим злоупотребления властью. Бывшие коммунисты, с другой стороны, часто называли своих оппонентов реваншистами и даже фашистами, поскольку они боролись против мерзостей фашизма. Эта старая дискуссия, но в Болгарии она приобрела особенные черты, потому что в ее рамках обсуждалась судьбы болгарских евреев, которая стала предметом противоположных интерпретаций.

> Два нарратива об отношении к болгарским евреям

Во время Второй Мировой войны Болгария была частью ОСИ, и как союзник Германии аннексировала всю современную почти Македонию. Северную Грецию части современной Сербии. Еврейское население «старой» Болгарии подвергалось тяжелым репрессиям (поражение гражданских правах, антисемитское законодательство, собственности, трудовые лагеря пр.) Однако, окончательному решению еврейского вопроса образцу нацистскому противостояли воинствующие антифашисты определенная И часть элиты, поэтому в последней момент Болгария его избежала. Та «новых» территориях сложилась иная ситуация, и «иностранное» еврейское население, в конце концов, было депортировано в Треблинку.

Эти события активно обсуждались бывшими коммунистами антикоммунистами. Социологические исследования партийной прессы 1990х годов, Институтом проведенные Критических социальных исследований, показали. бывшие коммунисты обращались истребления тематике еврейского населения на «новых» болгарских территориях, доказать «фашистскую сущность» досоциалистического режима. Антикоммунисты, напротив, фокусировали внимание на то, что на «старых» территориях политика окончательного решения не была реализована в основном благодаря сопротивлению части элиты. Они принижали роль воинствующих антифашистов, – которых было много среди коммунистов - и часто представляли их как «уголовных преступников».

Оба нарратива не признавали СВОИХ аргументы противников, считая ИΧ нелегитимными Болгарская исследовательница Лилиана Деянова назвала этот феномен посткоммунистическим негативизмом. Негативизм характеризует не только отношение прошлому. Он предполагает невозможность признать самое существование другой точки зрения. Негативизм часто сопровождается призывами криминализации «неправильных» воспоминаний, которые представлены противоположной позицией - и это вполне соответствует современной европейской политике и тренда учредить новые законы памяти. Субъективности, которые встроены в эту модель социальной памяти рассматривают своих оппонентов как непримиримых антагонистов. Политический враг изображается как радикально отличающийся ненормальный, антипатриотичный, покушающийся интервент, национальное тело. В этом "анти-" дискурсе нация рассматривается как гармоническое целое. тупиковые дебаты редуцируют политическое к дихотомии «илиили». Спасли евреев или нет? Была Болгария демократической фашистской? Третьего не дано.

После 2001 года разрушилась двухпартийная политическая модель режима и сопряженные с нею устойчивые политические идентификации. В отношении еврейского населения преобладал антикоммунистический нарратив. Послевоенные коммунистические суды были официально признаны нелегитимными, включая против фашистов, их пособников И палачей. Депортация евреев С оккупированных территорий интерпретировалась в категориях «отсутствия выбора» или как то, то «произошло на территориях, ПО которые. сути, не были болгарскими». Однако все эти аргументы высказывались в рамках дискурса, который позитивно

оценивал территориальную экспансию как «освобождение» и «объединение Большой Болгарии». В последние годы этот нарратив не только консолидируется, но и проецируется на Македонию, которую основные болгарские обвиняют политические медиа фальсификации истории. Так, новый музей Холокоста в Скопье описывается как «пустой». «фальшивый» И проч. Теперь не только «коммунисты», но и македонцы рассматриваются как врачи, распространяющие клевету о роли Болгарии в Холокосте.

> Избегая реальностей фашизма

Начиная с 1989 г., политика памяти эффективно заменяет обсуждение особенностей нацистского антисемитизма и фашизма. Одна теория упрощенная фашизма сменяется другой симплификацией. Для государственного социализма классическое было характерно определение фашизма, сформулированное Г. Дмитровым (коммунистическим лидером Болгарии), который редуцировал ДΟ фашизм его классового содержания. Новое упрощение редуцировало интерпретацию Холокоста поверхностного ДΟ морализма С шовинистическим оттенком, который объясняет «нам», насколько мы греховны или добродетельны. Таким образом. вина приписывается иностранной силе, которая навязала «дискриминацию нетерпимость» в отношении евреев, и которой успешно сопротивлялось «традиционно толерантное» гражданское общество. Такие аргументы помогают избежать столько необходимого обществу дебата о фашизме в Болгарии. Его реальные практики замалчиваются, благодаря тому, что делается акцент формальных характеристиках фашизма (или их отсутствии). Болгарии не существовало массовой партии, которая называла себя фашистскойотсюда делается вывод, что фашизма не сосуществовало. Фактически нет ссылок на огромную литературу, фашизму, посвященную кроме редукционистских сравнений «двух тоталитаризмов». Так, например, дискурсе нет упоминаний

работах Зева Стернхелла, который анализирует фашистскую идеологию, вдохновленную революционной теорией Дж.Сореля, стремящейся выйти за пределы дихотомии политически правого левого. Также не и обсуждаются присущие фашизму универсализация витализм, гражданства, культ молодежного активизма. нацистское понятие «иудео-большевизма», фашистский антикоммунизм и проч. Короче говоря, делается попытка избежать любого понимания фашизма, которое может повлечь за собой параллели С современными пост-политическими утопиями. сожалению, такие лакуны наблюдаются HP ΤΟΛЬΚΟ R политическом мейнстриме-ОНИ пронизывают академический мир, и их производят многие социологи.

Политический И журналистский мейнстрим воспевает «болгарский героизм» и «гражданское общество» военного времени, которое «спасло евреев Болгарии». При современные популярные понятия проецируются в прошлое. Этот господствующий дискурс остается слепым к тому обстоятельству, что, несмотря на сопротивление фашизму, в Болгарии существовало сильное пронацистское «гражданское общество», в которое были вовлечены и представители власти И низовые движения. Они решительно настаивали на политике окончательного решения. Отсюда возникает вопрос характеристиках «гражданского общество», которое сопротивлялось нацизму. Чья Болгария прекратила депортации? Эссенциалистское внеисторическое обсуждение закрывает глаза на TO. что существовало (и СИХ ΔΟ пор существует) несколько Болгарий.

Формирование социальных наук в Малайзии

Шамсул А.Б., Национальный Университет Малайзии (НУМ), Куала-Лампур, Малайзия

Реймонд Фирт (1901-2002), значительная фигура колониальной фазы Малайской антропологии.

полоподтн социология частью формирования колониального знания задолго до того, как были официально включены академическую программу высшего образования и были институциализированы как дисциплинарные области. Эти науки внесли свой вклад в колониальное понимание того. что такое Малайя и затем, после 1963 года в истолкование идеи Малайзии.

В эпоху колониализма колониальное знание создавало теоретическое обоснование тому, как «определять править» подчиненными обществами. Такие подходы в свою очередь оправдывали принцип «разделяй и властвуй», которым в своей повседневной политике государство. руководствовалось Королевское общество ВБ.

основанное в 1823 году стало основным учреждением, в рамках которого социальные науки обогащали колониальное знание и технологию правления в Малайе, а затем и в Малайзии. Его филиалы были открыты в 1878 году на Борнео и в Стрейтс Сетлментс в Малайе и управлялись Британской Ост-индской компанией из Калькутты. Филиал Королевского азиатского общества в Стрейтс Сетлментс издавал Journal of the Straits Branch of the Royal Asiatic Society (JSBRAS). В 1923 году он был переименован в Journal of the Malayan Branch of the Royal Asiatic Society (JMBRAS), a в 1964 г. он стал называться Journal of the Malaysian Branch of the Royal Asiatic Society (JMBRAS). Общество также издавало собственные монографии.

За эти почти 135 лет, благодаря публикациям Общества, формировалась идея Малайзии, которая пронизывала тексты по

истории, географии, литературе, языку, культуре, исследованиям сообществ, ботанику и зоологию. Основные авторы этих публикаций - колониальные служащие, которые в большинстве своем перед тем как получить позицию в Малайе получили дипломы антрополога в Оксфорде, Кембридже или Лондоне. Джон Гуллик (1916-2012) был одним из таких чиновников, он служил в Малайе и написал более 12 книг о Малазийском обществе и его истории в рамках исторической социологии. дальнейшем некоторые его книги приобрели учебников местных университетах.

Поэтому неудивительно, что после Второй Мировой войны Управление колониями направило в Малайю социальных антропологов с мировой известностью. Ими Реймонд таиФ. который приехал, чтобы изучать состояние социальных наук в Малайзии и Эдмунд Лич, который стал изучать социально-экономические условия жизни в Малайе и в штате Саравак. Вслед за Фиртом и Личем приехали их студенты, которые в начале 1950-х годов провели обширную полевую работу, изучая китайцев другие местные сообщества в Сараваке, культурные обычаи малайцев и китайцев в Сингапуре, единственное малайское матрилинейное общество в штате Негри- Сембилан, а в Джохоре предметом их интереса стало милленаристского влияние Саллеха движения Кивая на

китайско-малайские отношения. В результате в ВБ и др.странах был опубликован ряд монографий высокого качества.

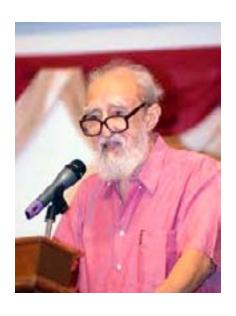
К следующему поколению студентов, работавших ПОД руководством Фирта в Лондоне, относятся Абдул Кахар Бадор (изучавший традиционных малайских вождей), Мохзани Рахим (исследователь малайской кредитной системы) и Сеид Хусин Али (малайское крестьянство и вожди общин). Все они вернулись преподавать в Малайский Университет (МУ), где к ним присоединился социолог, образование получивший Амстердаме, Сеид Хуссейн Алатас, прославившийся своей книгой The Myth of the Lazy Native (Миф о ленивых националах 1977), которая развивала идеи работы Э.Саида «Ориентализм». Эти ученые составили ядро преподавателей исследователей В области антропологии и социологии.

После этнического конфликта 13 мая 1969 года эти четыре социальных антрополога приняли активное публичное участие «процессе исцеления»; они работали в составе Национального консультативного совета, целью установление которого было мира и стабильности в стране. Государство оленидп как руководство к действию отчет Фонд Форда «Социальные науки национального единства: ДΛЯ закрытый отчет правительству Малайзии»(1970). В результате в университетах были введены такие предметы, как введение антропологию, социология, политология, психология исследования коммуникации. Это положило начало Малазийской социальных Ассоциации учрежденной в 1978 году.

Вскоре после этнической резни, в июле 1969 года, правительство учредило также Департамент национального единства. Многие его руководители и администраторы

были антропологами и социологами, выпускниками новых факультетов и старого Отделения Малайских исследований в МУ. До 1980х годов многие высшие позиции госслужбы занимали выпускники этих факультетов.

Первая когорта антропологов и социологов окончила МУ и НМУ в 1974 и 1975 годах. Они нашли хорошую работу в частном и публичном секторах, поскольку

Сеид Хуссейн Алатас (1928-2007), выдайющийся малазийский общественный деятель, интеллектуал, политик, основатель социологии в Малайзии.

был спрос на их компетенцию и умение осмысливать происходящее и ориентироваться на заказ своих клиентов. Их способность «продавать свое знание о культуре» в культурно разнообразной и мульти-этнической Малайзии остается чрезвычайно востребованной до сих пор, в 21 веке. Важный вклад в изучение этнических отношений в стране внес малазийский преподаватель антропологии, Тан Чи Бенг, редактор Bibliography of Ethnic Relations in Malaysia (Библиография этнических отношений в Малайзии, 1999). В 2005 г. правительство настояло на введении обязательного водного курса «Развитие этнических отношений" для всех студентов государственных двадцати университетов страны. Программа разработана курса была моим руководством и в 2007 году мне доверили пост директораоснователя Института этнических исследований в НМУ.

Итак, антропологи и социологи сыграли решающую роль В становлении Малайзии, прежде всего в поддержании социального единства связанности. Они спокойно сохраняют развивают «идею Малайзии» как плюралистического, этнически сложного общества, в котором сохраняется постоянная напряженность, необычная ДΛЯ таких обществ сегодня.■

> Жизнь и времена социолога по призванию

Интервью с Дато Рахманом Эмбонгом

Дато Рахман Эмбонг.

ахман Эмбонг, известный малазийский социолог и общественный деятель прослеживает связь своей личной биографии с развитием социологии в Малайзии, начиная с колониального периода, за которым последовала постколониальная борьба и репрессии, до периода открытия новых возможностей после 1991 года.

МБ: Начнем с самого начала. Вы выросли в колониальный период, как Вы получили образование? Это представляется мне выдающимся и необычным достижением для того времени.

РЭ: Давайте рассмотрим контекст. Майкл, Вы недавно были в Малайзии, стране, которая богата нефтью, которую населяет 28 млн.чел., которая стремится повысить свой ВВП и получить статус развитой страны к 2020 году. С того времени, когда Малайзия была сельскохозяйственной отсталой страны много воды утекло; в 1957 году страна получила независимость. Мы возили Вас в столицу, Куала-Лумпур, чтобы Вы почувствовали пульс времени и показали новый административный центр, город Путраджайя, построенный на земле, где прежде росли пальмы (резиновые и масляные), а до того были джунгли, в которых проживали аборигены, народ Оранг Асли. Некоторые считают административный центр настоящим шедевром градостроительства, построенным на зависть многих развивающихся стран. Он стал осуществленной мечтой премьер-министра Махатира, оставившего потомкам такую память о себе.

Теперь обратимся к моему происхождению. Я родился в семье крестьян-середняков в штате Теренггану, самом отсталом регионе на восточном побережье полуострова Малайзия (ст. название - Малайя). Я родился в 1944 году на исходе японской оккупации, когда большинство семей испытывали трудности в связи с дефицитом продуктов и карточной системой. Мой отец был фермером раdi и

имамом местной мечети; его дети не ходили в английскую школу, потому что он хотел, чтобы они обучались в арабской или религиозной школе. Он также проклинал англичан, которые бежали и сдали оружие, когда Малайю захватили японцы.

Мои родители много и тяжело трудились, обрабатывая свои поля раdi, чтобы прокормить и вырастить восьмерых детей, среди которых я был младшим. Другие семьи в деревне тоже обрабатывали свою землю. Эти крестьяне не соответствовали оскорбительному синдрому «ленивых националов», о котором говорили ориенталисты – этот миф развенчал покойный Сеид Хуссейн Алатас в своей ставшей классической книге 1977 года.

Отец скончался в 1949 году через пять лет после моего рождения. Мне сказали, что он умер от малярии после того, как несколько дней пролежал без сознания. Мы очень горевали. Тогда было другое дело. Больница была далеко, не было ни поликлиники, ни доктора и мы даже не знали, что собственно с ним происходит. После смерти отца для моей мамы наступили трудные времена: она стала развозить по деревням на продажу овощи, домашнее печенье, табак и другие продукты, и все для того, чтобы прокормить своих детей.

Поскольку я был самым младшим в семье и еще учился в школе, я был освобожден от необходимости зарабатывать всякими странными работами, как это делали мои старшие братья и сестры. Но зато я вместе с матерью путешествовал по сельским базарам, своими маленькими руками помогал ей носить огромные корзины. Это была сельская экономика обмена, построенная на принципе cash-and-carry, и именно в нее была активно вовлечена моя мать.

В деревне не было ни электричества, ни водопровода. В домах не было столов и стульев. По ночам я зажигал керосиновую лампу и делал домашние задания, лежа на животе. Мои старшие братья ходили в начальную малайскую школу, после чего они 1 или 2 года ходили в арабскую или мусульманскую школы. На этом их образование завершалось, и они начинали работать. Но я пошел по другому пути. Мама и братья не хотели, чтобы я пошел по их следам, они хотели, чтобы я вышел далеко за пределы деревенской жизни. Поэтому, окончив начальную школу и получив базовое религиозное образование, а также сдав вступительный экзамен, я поступил в единственную в ближайшем городе государственную английскую школу в "специализированный малайский класс" интенсивного обучения. Это позволило мне на третий год обучения перескочить в шестой класс начальной школы. Я был лучшим учеников и позже получил стипендию, которая позволила мне поступить в королевском военном колледже на западном берегу Малайзии. Это была элитная многонациональная школа, основанная британцами в 1953 году для подготовки местных офицеров и правительственных чиновников. Из нашего штата в 1960 году туда поступило только 6 человек. Я был единственным представителем своего поколения, которому удалось выйти далеко за пределы своего региона и даже страны.

В то время руководство колледжа и его педагоги были британцами. Хотя они были настоящими профессионалами, их патронирующее отношение сформировало у нас антиколониальные установки. Нужно помнить, что все это происходило через несколько лет после получения независимости в 1957 году, а политика малайзианизации дала эффекты только в конце 1960х – в начале 1970х годов.

Закончив колледж в 1964 г., я отправился в Англию, выиграв университетскую стипендию федерального правительства с тем, чтобы в перспективе стать одним из представителей малазийской административной элиты. Такую же стипендию получило еще несколько лучших студентов-малайцев.

МБ: Как обучение в Англии и получение степеней в Лессестере и затем в Школе восточных и африканских исследований повлияло на Ваше интеллектуальное и политическое развитие?

РЭ: Обучение в ВБ стало поворотным пунктом моей жизни. Оно открыло и развило интеллектуальные горизонты и сформировало мое мировоззрение. В 1965 году я поступил в Лессестер на факультет социологии, получил ВА в 1965 году и продолжил обучение в магистратуре по Area Studies в Лондонской Школе восточных и африканских исследований (SOAS), которую закончил в 1970 году. Моими лекторами были выдающиеся ученые Британии и Европы. В конце 1960х Лондон – а также вся Британия и Западная Европа - были охвачены студенческим движением против империализма США, против войны во Вьетнаме. Китайская и Кубинская революции для многих стали привлекательными примерами. Я познакомился со многими социологическими школами - структурным функционализмом, марксизмом - читал множество самых разных книг и левых журналов, таких как New Left Review и Monthly Review. Это был контекст моей политической социализации и радикализации. Многие малазийские студенты моего поколения, обучавшиеся в Лондоне, также были воодушевлены этим движением.

МБ: Что произошло, когда Вы вернулись в Малайзию? К тому времени страна была независимой уже в течение 15 лет, что стало с Вами?

РЭ: Я вернулся на родину 31 декабря 1970 года через 19 месяцев после акций кровавого расового насилия 13 мая 1969 в Куала-Лумпуре. Обучаясь в ВБ, я постоянно поддерживал связь с домом. Известия о резне стали громом среди ясного неба. Я тогда был лидером студенческого движения, мы организовывали обучающие семинары, форумы и другие образовательные акции для студентов разных национальностей – малайцев, китайцев, индусов и др. – для того, чтобы объединить их. Мы утверждали, что в основе этих беспорядков лежит не расовый, а классовый вопрос.

А в это время в стране был открыт новый университет с обучением на малайском языке. Он был основан по соседству с более этаблированным Малайским

Университетом, где обучение было на английском. University Kebangsaan Malaysia (Национальный Малайский Университет – НМУ), был открыт в мае 1970 г. Его основание стало результатом борьбы малайских националистов, которые стремились обеспечить высшее образование на национальном языке, чтобы его могли получать выпускники национальных школ. В 1980е годы такая лингвистическая политика возобладала во всех университетах страны. Напомню, что в те времена студенты были элитной группой, они составляли только 1% когорты 18-24-летних. Сегодня эта пропорция достигла 30%.

МБ: А что происходило с социологией?

РЭ: В то время социология также активно развивалась. Гарвардский консультативный совет при премьерминистре страны. возглавляемый Самуэлем Хантингтоном, включал таких ученых, как Маннинг Нэш, Майрон Вайнер, Натан Глейзер. Они представили отчет правительству под названием Социальные исследования на благо национального единства. После беспорядков 1969 года консультанты рекомендовали открыть в малазийских университетах факультеты социологии, антропологии, психологии и политических наук, чтобы исследовать проблемы национального единства и готовить экспертов по разрешению конфликтов в процессе национального строительства. Именно тогда в НМУ открылся факультет антропологии и социологии, который открыл новые вакансии для ученых. Когда я отчитался перед государством о результатах своей стажировки в Англии, меня направили на работу в НМУ. Мне сказали, что я нужен в НМУ как человек, получивший МА в Лондоне и способный преподавать здесь. Я хотел того же всем сердцем.

МБ: Все это выглядит так, будто в начале 1970х расцвет социальных наук в стране проходил под контролем Гарвардского совета и в русле его заботы о национальном строительстве. Так ли это?

РЭ: Да, это так. В конце 1960x - начале 1970x в Малайзии развернулись важные дискуссии в области социальных и гуманитарных наук. Но давайте посмотрим на Гарвардский совет в конкретном контексте. Я был четвертым преподавателем, принятым на факультет антропологии и социологии, трое других были выпускниками Малайского университета (МУ). Дело в том, что еще в 1960х до рекомендаций Гарвардской элементы антропологии группы И СОПИОУОГИИ преподавались на Отделении культуры Факультета малайских исследований в Малайском университете. Известными социологами были Сутан Алисжахбана, Сеид Хуссейн Алатас (переехавший позже в Сингапур) и Сеид Хусин Али. Поэтому хотя очевидно, что малайская социология и антропология стали «детьми модернизации и национального строительства". гарвардская группа была не единственной повитухой, поскольку ученые МУ уже заложили основания этих дисциплин в стране.

Дискуссии приобрели различные направления в

рамках разных дисциплин. Литераторы настаивали на институционализации национальной литературы, выступая с программой «искусства для общества» в противовес «искусству для искусства». Историки критиковали колониальные (т.е. ориенталистские) перспективы. Экономисты развернули «Большой экономический дебат», а мы, молодые социологи вели парадигмальную войну против позитивизма, структурного функционализма и теорий модернизации, в том числе и против тех, которые отстаивали представители гарвардской группы.

На другом фронте в это время началось исламское движение dakwah как часть студенческого молодежного движения. Кампусы стали пространствами студенческого и интеллектуального протеста против империалистической войны во Вьетнаме и израильской агрессии в Палестине. В национальной политике мы поддерживали борьбу безземельных крестьян и бездомных городских сквоттеров, организовывали кампании против бедности, за чертой которой находилось около 50% всех домохозяйств, боролись с коррупцией и ментальностью "быстрого обогащения», характерной для правящей элиты.

Лично для меня все это было продолжением научной и студенческой жизни в Лондоне. Вооруженный социологическими теориями, я читал два популярных курсасоциологию развития И политическую социологию. Мои коллеги читали другие курсы, например, социологию села, социологию города, расовые отношения и др. В 1973 году я начал издавать ежемесячный журнал Truth (Истина), который был закрыт через 7 месяцев. Я и мои друзья занимались не просто академической или критической социологией, но и одновременно публичной социологией, хотя тогда мы не пользовались этим термином. Наша позиция была ясна: ценностно свободной социологии не существует, теории модернизации и развития обслуживают мультинациональные корпорации. В духе Гундера Франка, мы считали, что развитие и отсталость - это две стороны одной медали, и социология развития, унаследованная от Запада, является столь же «отсталой», как и те страны, которые были объектом ее рассмотрения.

МБ: Потом наступил период репрессий. Расскажите, как он отразился на социологии.

РЭ: 1974 год стал новой вехой в жизни многих людей. В августе этого года НМУ организовал первую национальную конференцию, посвященную анализу роли и позиции социологии, антропологии и психологии в Малайзии. Я был председателем оргкомитета. На конференции живо дискутировалось предназначение и будущее социальных наук и социологии в стране. Эти дебаты стали еще одним выражением войны парадигм. В них участвовали преподаватели, исследователи и студенты различных малайских университетов. Именно тогда мы выступили с предложением создать Малайскую ассоциацию социальных наук (МАСН), которая была учреждена в 1978 году.

Студенческое и интеллектуальное движение достигло своего пика в 1974, а затем пошло на спад, потому что стало подвергаться репрессиям. Массовые аресты прокатились в декабре месяце, были арестованы лидеры студенчества и интеллектуальные активисты. Это стало поворотным пунктом в истории страны и существенно повлияло на дальнейший ход событий. Анвар Ибрахим, нынешний лидер Малазийской Оппозиции был в то время вожаком мусульманского молодежного движения. Он был арестован и посажен в тюрьму. После освобождения Анвар с подачи премьерминистра Махатхира стал вице-премьером и оставался на этой должности вплоть до 1998, когда он потерял позицию из-за разрыва отношений с премьером. Остальное описали историки.

Один из наиболее известных социологов, Сеид Хусин Али из МУ был арестован и провел в заключении 6 лет, до 1980 года. Несмотря на это, как ни странно, он продолжал сохранять позицию университетского профессора. Его престиж среди ученых был очень высок и вскоре после освобождения он был избран Президентом Малазийской ассоциации социальных наук и оставался на этом посту 10 лет, вплоть до 1990 года.

В 1975 году, вскоре после массовых арестов, правительство приняло жесткий Закон в отношении университетов и колледжей. Сначала в 1971 году было принято несколько поправок, которые ограничивали академические свободы и университетскую автономию. Этот репрессивный закон в течение многих лет препятствовал свободному развитию интеллектуальной и научной жизни в университетах, послабления в нему были приняты лишь в прошлом году.

МБ: Университетская жизнь стала боле открытой в 1991, когда, путем переговоров, был достигнут компромисс с оппозицией. Что же Вы лично делали все это время?

РЭ: Как можно догадаться, мне удалось избежать ареста, но после репрессий 1974 года я вынужден был покинуть страну. Почти 20 лет я находился за пределами малайской академической жизни, но следил за нею с огромным вниманием и не прекращал проводить исследования и публиковаться.

Я вернулся в 1992 году, через несколько лет после конца Холодной войны. Благодаря новой государственной политике И профессиональному отношению администрации НМУ в отношении ученых-диссидентов в 1995 году я вернулся на прежнюю позицию в свой университет. Все изменилось. Теперь университеты и правительство находились под давлением рынка и приняли рыночные императивы, а образование стало одним из множества товаров, а не общественным благом. Традиционные социальные и гуманитарные науки, включая социологию и антропологию, уступают в престиже естественным наукам, технологии и факультету управления. В нашем университете отделения социальных и гуманитарных наук были реструктурированы, социология и антропология утратили статус факультетов. И если в 1970е годы этот факультет был сильнейшим в стране, сейчас он сведен до статуса одной из образовательных программ.

Многие социологи и антропологи старшего поколения вышли на пенсию или ушли из науки. Однако до сих пор активно работает один очень известный социальный антрополог с нашего бывшего факультета. Он является директором-основателем чрезвычайно значимого учреждения - Института этнических исследований НМУ, который проводит академические и прикладные исследования.

Что касается меня лично, то я покинул факультет до структурной реформы и стал сотрудником Института малазийских и международных исследований НМУ. Это междисциплинарный центр социальных исследований, основанный в 1995 году. Я стал профессором социологии развития в 2001 году и получил статус emeritus professor в 2009 г.

Когда я вернулся на родину, я первым делом занялся воссозданием Ассоциации социальных наук. Меня избрали президентом МАСН в 2000 году и, как Сеид Хусин Али, я занимал этот пост в течение десяти лет. Затем я стал особым консультантом Ассоциации и занимаю эту позицию до сих пор.

МБ: Вы наблюдали развитие Малазийской социологии в течение сорока лет. Как Вы думаете, в каком направлении она развивается сегодня?

РЭ: Несмотря на изменившиеся условия, я вижу свет в конце туннеля. Среди молодых ученых возрождается интерес к социологии, несмотря на сдвиг в сторону междисциплинарности. Молодое поколение осознает мощь и релевантность серьезных социологических подходов, теорий и методологий, которые позволяют анализировать социальные условия и предлагать социальные изменения. Интеллектуальный дух и идеи социологии живы. Хотя тех, кто занимается социологией меньше, чем представителей других дисциплин, их число растет. МАСН позволяет увидеть эту тенденцию и наш диалог с Вами, Майкл, Президентом МСА, происходит очень своевременно. Он позволяет пробудить глубокий интерес и расширить наше видение перспектив социологии. Мы стремимся к совместной работе, и я уверен, международное сотрудничество поможет развитию социальных наук и социологии в Малайзии.

> Тунисская социология после Революции

Мунир Сайдани, Тунисский университет Эль Манар, Тунис

Мохаммед Буазизи, молодой продавец фруктов, совершивший самосожжение - символ Арабской весны.

тунисская овременная социология испытывает противоречивое воздействие трех аспектов современной ситуации в стране: огромные политические изменения, возросшая свобода выражения, и общественных подъем движений. Учитывая скорость социальных изменений, тунисские СОЦИОЛОГИ реагировали происходящее каждый по-своему.

> Постреволюционный контекст

Диктатура Бен Али закончилась 14 января 2011 г. С той поры в стране велась «война всех против всех». включающая множество конфликтов, развивающихся общества»вокруг нового «врага которые считались Салафитов, опасной угрозой называемого «тунисского образа жизни». На этой поляризованной политической сцене в конфликт даже помимо их желания вовлекались филантропические, социальные,

культурные ассоциации и НГО. В стране около 15-ти политических партий и около 15.000 ассоциаций, и это многообразие не облегчает понимания происходящего.

Хотя в настоящее время доступны социальная статистика и другие данные, но, тем не менее, точную тунисского общества трудно составить из-за чрезвычайно дезорганизованной администрации иоченьмедленногореформирования ее работы. Свобода выражения, проявляющаяся в разнообразии журналов, социальных медиа, СМИ, публичного и частного ТВ (всего более 10 каналов) и радио (15 каналов, в основном FM), привела к тому, что улицы и площади стали ареной политической борьбы и лабораториями общественного мнения.

Старые акторы принимают участие в современной борьбе, старые интересы становятся проблематикой сегодняшнего темная непрозрачность политической рискованной сферы делают социологов. работу Однако, начиная с выборов 23 октября 2011 г., общественные движения менее контролируемыми. Локальные забастовки, СИН-ИН столкновения протестующих органами безопасности прокатились по стране, особенно малых городах центральнозападного региона Туниса, колыбели Революции. Местные лидеры стали подотчетны народному протесту, который регулируется в значительной степени благодаря

экспансии социальных сетей. Публичные эксперты ученые занимаются социальными пророчествами. Общественные движения озвучивают новые потребности и ориентируются на различные новые цели, связанные с защитой окружающей этническими региональными ИΛИ гендерными вопросами. Анализ общественных движений должен обновляться фактически ежедневно.

> Социология в бурные времена

60 академических социологов, работающих на трех социологических факультетах университетах тунисских разделить на три категории. Одни публикуют книги о общественном протесте - таких социологов всего 4-5 человек. Примерно столько же публикуют статьи. Большинство социологов не публикует ничего по этому поводу, утверждая, что «в ходе их развития общественные движения невозможно анализировать, поскольку хаотичны и чрезвычайно изменчивы». Дο революции проблематикой общественных движений занималось всего 2-3 В течение социолога. первого послереволюционного года социологи, принадлежащие ковторой категории чувствовлаи себя вполне комфортно: они писали статьи, содержащие теоретического риска или просто писали о себе. публиковались обычно еженедельниках или ежедневных газетах и их статьи касались событий, происходящих в стране. Более

фокусированные статьи стремились идентифицировать акторов восстания. Некоторые социологи делились своими впечатлениями в блогах.

Сначала социальные медиа проявляли мало интереса социологическим голосам и взглядам, но постепенно ситуация стала меняться. В настоящее время тунисские социологии развивают новые отношения с социальными медиа, у которых есть спрос на услуги ученых, который вписывают в их новую политическую стратегию в отношении социальных проблем. Ряд социологов работают редакциях теоретических интеллектуальных журналов, другие сотрудничают с исследовательскими центрами, которые не имеют отношения к науке. Эти социологи занимаются производством научного знания. Что за работу они выполняют? На этот вопрос трудно ответить с оптимизмом, имея в виду те условия, в которых они работают. Другой вопрос связан с тем, создают ли новые медиа новые возможности для публичной социологии или это просто техническая политическая новинка, которая используется в полемике.

Один тунисский социолог, который пишет книги сказал:: «Все мои книги - итог моих личных усилий. поддерживает Меня никто не в этом деле». Другой отмечает: Мы социологи, которые не относятся к высшей элите научного сообщества, не имеем никаких возможностей. Университеты предоставляют возможности только для тех, кто уже добился Молодые социологи признания. сталкиваются с особенно сложной ситуацией: "Там, где с ситуацией нужно справляться в одиночку, не будет молодых социологов." Однако, недавно вышел новый сборник под названием Penser la société tunisienne aujourd'hui : La jeune recherche en sciences humaines et sociales [Тунисское общество

сегодня: молодой исследователь в области гуманитарных и социальных наук], который включает около 20 статей на французском языке, написанных по итогам семинара академическому письму, состоявшегося в июле 2010 при содействии Institut de Recherche Maghreb le Contemporain (IRMC). С другой стороны, после падения диктатуры Тунисская социологическая ассоциация, которой более 25 лет смогла организовать всего несколько встреч студентами социологических факультетов.

из стратегий тунисских Одна социологов заключалась в том, чтобы стараться публиковаться за границе и таким образом стать более заметными. Однако в первом международном социологическом симпозиуме "Социология арабских революций", состоявшемся марте 2011 года в Сиди Бузиде, месте рождения Буазизи - уличного торговца, самосожжение которого стало катализатором Тунисской Революции приняло участие более семи тунисских социологов, один из которых живет в Бейруте, другой – алжирец, третий – ливанец, приехавший из Англии.

Некоторые социологи старались построить отношения C общественными движениями: "Я являюсь участником общественного движения, я - активист. Я стараюсь усилить свою позицию, развивая социологические аргументы," признался один коллега. Другой замечает: "Это совсем не просто. Общественная активность в Тунисе это новое явление, барьеры для него создают и оппозиционные политики сторонники правительства. Нужно одновременно заниматься обучением, развивать основные понятия, привлекать участников и все это с помощью механизмов демократии Необходимо уважать внутреннюю динамику групп. Это труднее, чем действовать в одиночку, не используя никаких иных средств,

собственной воли". С кроме начала 2011-2012 академического года молодые исследователи проявляют растущий интерес общественным движениям, выбирая их в качестве темы своих магистерских диссертаций, а иногда для PhD. Эти проекты основаны на полевой работе, опросах и других типах научного исследования м фокусируют внимание на роли молодежи, социальных медиа и памяти участников.

> Новые исследовательские возможности

Условия исследования стали куда более благоприятными, чем прежде. Прежний страх политического и административного преследования, который ограничивал свободу выражения рассеялся, информанты свободно проявляют свои взгляды и рассказывают о своем опыте. Исследователи фотографии, используют записывают свидетельства, пользуются дневниковым методом сбора информации. Однако. Новые теоретические подходы находят все еще в эмбриональной фазе развития.

Можно сказать, что тунисские социологи все еще сталкиваются с существенными препятствиями, развивая новый взгляд на свое исследование. И все же быстрые и глубокие социальные изменения в пост-диктаторский период приводит к развитию более научного взгляда на общество. Остается, однако, основной вопрос: СМОГУТ социологи воспользоваться новыми возможностями, чтобы выполнить свои обязательства в отношении развивающегося тунисского общества? ■

> Синематическая социология

Интервью с Джойс Себаг и Жаном-Пьером Дюраном

Университет Эври, Франция

Джойс Себаг.

жойс Себаг и Жан-Пьер Дюран - супруги и синематической исследовательская команда социологии Центра и Пьера Навилля в Университете Эври, которые находится совсем близко к Парижу. После 20летних исследований в сфере социологии труда в 1955 году увлечение изучением образов привело их к тому, что они основали магистратуру «Образы и общество». Эта магистратура предоставляет уникальные возможности для овладения искусством кинематографии и приобретения экспертизы. Выпускной работой социологический фильм. За это время исследователи выпусти ли три документальных фильма: «Мечты на конвейерной линии», (Dreams on the Line) - о новых условиях труда на калифорнийском автомобильном предприятии, «Ниссан: история управления» (Nissan: a History of Management) - о стратегиях многонациональной фирмы и «50 лет позитивной дискриминации в Бостоне» (50 Years of Affirmative Action in Boston)- о аффирмативной политике в США. В результате их усилий Французская социологическая ассоциация признала синематическую социологию официальным направлением исследований. Интервью провела Джордана Матлон, научный сотрудник Institute for Advanced Study в Тулузе.

ДМ: Почему Вы называете сферу своих интересов синематической, а не визуальной социологией?

ДС: Визуальная социология существует довольно давно, в

Жан-Пьер Дюран.

основном она занимается исследованием фотографии и кино, а не изучению того, как мыслить образами. Мы хотим, чтобы социология осмысливала реальность с помощью фотографии и кино.

ДМ: Какими навыками должен обладать синематический социолог?

ДС: Когда Вы изучаете что-либо, Вы думаете, что действуете рационально и сохраняете исследовательскую дистанцию от объекта исследования. Вы полагаете, что Вы изучаете объект со стороны. И одна из причин использования медиа – стремление показать, что Вы находитесь в контексте конкретной исследовательской ситуации.

ДМ: И это определяющая черта метода?

ДС: Именно. Фильм показывает, что наука не находится где-то за пределами человека. Научный анализ включен в репрезентации людей, которым посвящено исследование. Репрезентация представляет позицию исследователя. Документальный фильм становится пространством рефлексии. Мы проводим наше исследование для того, чтобы создать пространство для рефлексии и обсуждать проблему

с теми людьми, которые не являются социологами, а также для того, чтобы создать что-то новое. Фильм становится местом встречи, способом ознакомиться со множеством различных взглядов.

Персонажи фильма становятся активными участниками исследования. Вы это видите. Они перестают быть объектами.

ЖПД: Я думаю, что социологи стали позже, чем антропологи, использовать видеозаписи и кино потому, что они изучают, как правило, те общества, к которым принадлежат, а не Африку, Индонезию и пр. Изучая свои собственные общества, социологи выбирают тему, определенный сегмент социальной реальности. Более того, такой выбор очень просто делать при письме. Кроме того для социолога самое главное не то, что проговаривается, но то что умалчивается. В синематической социологии сделать выбор гораздо труднее, труднее упустить то, что не представляет значения.

ДМ: Приведите, пожалуйста, пример такого выбора на основании Вашего собственного опыта.

ЖПД: В нашем документальном фильме Dreams on the Line мы совсем немного говорили с рабочими о профсоюзах. И многие очень ругали профсоюзы. Говорили, что профсоюзной активностью...

ДС: занимаются лентяи.

ЖПД: Да. Кто-то так и сказал. А другая женщина сказала: «Я рабочий человек. Я не могу бастовать». В письменном отчете вы можете не приводить эту цитату. Потому что в длинном интервью она кажется совсем короткой и незначительной. Но в фильме мы сохранили этот комментарий, чтобы показать, как люди воспринимают новые условия, такие, как, например, японские правила работы. Профсоюзы должны выступать в согласии со своими членами, и потому они молчат в этом случае.

ДС: Мы видели, что темп работы на конвейере очень быстрый, рабочие очень устают и постоянно испытывают давление. Но во время съемок они казались совершенно спокойными и расслабленными. И мы должны показать, что это просто видимость. Параллельно мы проводили интервью и все информанты признались: «Это тяжелая, очень тяжелая работа». Наше кино – это не Чарли Чаплин. Все кажется очень спокойным. Интервью демонстрирует контраст: мы показываем, что то, что мы видим при полевом наблюдении, далеко не всегда совпадает с переживаниями людей. Мы назвали фильм «Мечты на конвейере», потому что все мечтают уйти оттуда, перестать работать на конвейере. Этот фильм был способом начать разговор. Он является вызовом упрощению реальности, упрощению, которое совершает насилие над реальностью.

ЖПД: Как сказала Джойс, это субъективная социология, но в то же время это рациональное знание. У нас есть своя точка зрения. Мы отдаем себе отчет в собственной субъективности и это гораздо сложнее, чем написать доклад или книгу. Конечно, мы постоянно делаем выбор – мы снимаем и редактируем и т.п. Но снимая фильм, Вы. Не можете просто игнорировать неудобные факты. Это очень сложно. Я написал около 15 книг и знаю, как развивать аргумент и обосновывать проблему в письменной форме. Но для аргументирования в формате фильма нужны другие навыки, поскольку социальные факт обретают визуализированную форму. В некоторых случаях социологии становятся фокусниками, но это невозможно в

синематической социологии.

ДМ: Какую роль играет синематический социолог в обществе?

ЖПД: Я считаю, что наша роль заключается в том, чтобы показать скрытое в социальной жизни. Для этого мы, конечно, должны рационалистически объяснять феномены, но чтобы нас услышали, чтобы привлечь внимание людей мы должны непременно воздействовать на эмоции. В письменной форме, на мой взгляд, гораздо труднее продемонстрировать уровни эмоций, в том числе и контролируемые эмоции.

ДС: Так, например, мы взяли очень выразительное интервью о позитивной дискриминации женщин в одном из беднейших микрорайонов Бостона. Ответы нашей информантки демонстрировали ее чувство собственного достоинства, ее способность контролировать свои эмоции в полной мере. Таким образом она бросала вызов тем, кто предпочитает использовать насилие. Мне кажется, очень важно показывать чувство собственного достоинства, присущее людям.

ДМ: Не кажется ли Вам, что из-за использования эмотива в аргументации, синематическую социологию могут упрекнуть в манипуляции? Или этот прием просто помогает развить понимание проблемы?

ДС: Существует много способов понимания. Наше понимание опирается не только на рацио. Понимание с помощью чувств открывает иные, более широкие возможности. Однако, Вы правы, даже письменный текст может быть манипулятивным.

Однако фильм также изменяет наши отношения с людьми, с которыми мы встречаемся в поле. Я проводила этнографическое исследование на автомобильном конвейере на заковне около Парижа. Рабочий сказал мне: «Вы проводите исследование и мы помогаем Вам в этом. Но после исследования мы остаемся ни с чем, в обмен на нашу помощь мы ничего не получаем. Мы просто помогаем Вам делать карьеру."

ДМ: Похоже на эксплуатацию.

ДС: Да, очень похоже. Но когда в кинофильме видишь этих людей, ситуация меняется. Может быть это тоже эксплуатация, но другого типа. Но, по крайней мере, можно сказать им: вот, теперь Вы на экране, Вы существуете. Вы говорите, Вы думаете и зритель может Вас видеть и слышать тембр Вашего голоса. Очень важно показать, что эти люди не тени, а мыслящие живые существа. Вы слышите их голоса и видите из лица. Мы не просто даем им слово, они являются основными действующими лицами фильма.

ДМ: С какими проблемами Вы сталкивайтесь как синематический социолог?

ЖПД: Многие люди – в том числе социологи, журналисты, ученые – не умеют читать образы, понимать изображения. В школе нас учат читать и писать, но не учат питать изображения. Есть специалисты-киноведы: аналитики, исследователи фотографии, фото-критики и проч.. Но между профессионалами и публикой – большой разрыв. Это проблема, потому что публика- включая многих социологов! – не умеет читать образы. Наверное, в этом заключается главная проблема визуальных и синематических социологов.

ДС: Необходимо обучение анализу образов, а для того, чтобы сделать фильм, необходимо понимание того, что

значит создать образ.

ЖПД: Фотографию, изображение Вы, прежде всего, воспринимаете органами чувств. Но что изображено и что находится за пределами камеры.

ДС: Есть что-то за пределами изображения, то, к чему оно отсылает

ЖПД: Это объектив, но большую часть времени Вы проводите за пределами объектива.

ДС: Социологу это понятно. Вы исследуете видимое и то, что находится за пределами видимого.

ЖПД: Контекст.

ДС: Да, контекст. Но, что находится за пределами поля, то, что скрывают люди, находящиеся на переднем плане.

ЖПД: Большинство обращает внимание на факты, которые попадают в объект ив камеры. Но такой взгляд не позволяет связать микроанализ с более широким взглядом на общество, с «большой картиной» происходящего.

ДМ: Вы упомянули об обучении навыку понимания образов. Я думаю, это особенно важно для синематической социологии. Расскажите, пожалуйста, как Вы начали эту магистерскую программу в Университете Эври?

ЖПД: Наш университет основан в начале 1990х годов это один из четырех университетов открытых на окраине Парижа. Я получил место промышленного социолога. Президентом университета был очень умный человек, который был ориентировила с ним возможности развития социологии кино и он сказал: «У меня денег нет, но если вы их найдете, я вас поддержку".

ДС: Жан-Пьер нашел деньги. Он проводил исследования в автомобильной промышленности и администрация предприятия предложила финансовую поддержку нашему университету. Они дали денег и мы купили первую кинокамеру. Чтобы организовать обучение в университете в первый год, я сказала своим коллегам: "Если Вы хотите работать на этой программе, вы тоже должны получить соответствующую подготовку у специалистов." научиться съемкам, монтажу, редактированию, озвучанию, всему и одновременно нужно брать курсы по социологии, истории, антропологии, истории документалистики, анализу образов. В течение года мы все этим занимались. А затем мы обратились в министерство, чтобы лицензировать программу и добились успеха. Вот так в 1997 году мы запустили магистратуру «Образ и общество». В качестве диссертации слушатели представляют фильм, который они снимают самостоятельно.

ЖПД: Эта единственная магистратура, которая предполагает двойную компетенцию: техническую - сценарную, кинематографическую, но также и познания в области социальных наук.

ДМ: Вы хотите сказать, что эта программа уникальна для Франции или в глобальном масштабе?

ДС: Не знаю, насчет глобальной уникальности! Во Франции другие тоже стараются развивать это направление. Но, помоему, мы были первыми.

Кадр из второго фильма Себаг и Дюрана о позитивной дискриминации "Mississippi, Columbus, Boston: une trajectoire familiale [Из Миссисипи в Бостон: семейная траектория]. Фильм посвящен истории афро-американской семьи: от рабства в Гарвард.

ЖЛД: Сейчас у нас ежегодно 20 магистрантов, и 7 человек обучается на PhD.

ДМ: Насколько я знаю, до сих пор Вы обучали в основном профессионалов-кинематографистов. Как сохранить академическую традицию синематической социологии? Или Вы думаете, что практики тоже считают себя синематическими социологами?

ЖПД: Это зависит от них. Некоторые активно вовлечены в социальную и политическую жизнь. Некоторые активисты пришли обучаться на нашу программу. Они понимаем, что для того, чтобы сделать хороший документальный фильм, недостаточно быть активистом. Потому что активисты понимают только свою точку зрения и не видят других позиций. Нам нужно не менее шести месяцев. Чтобы они поменяли свою позицию и смогли посмотреть на проблему более широко. Такие люди, когда они воспринимают более обширный горизонт, могут быть очень хорошими кинодокументалистами, поскольку у них есть общественное призвание.

ДМ: Как Вы думаете учащиеся вашей PhD программы захотят заняться преподаванием?

ЖПД: Некоторые хотят работать в документальном кино, но на более высоком уровне. Другие хотят остаться в науку и работать преподавателями. Но они отдают себе отчет в том, что это очень сложно, потому что прежде всего социологи должны признать синематическую социологию как автономное исследовательское направление, а до этого еще очень далеко. Мы работаем над этим. Сейчас в стране 3-4 университета, которые открытые для синематической социологии. Позиций совсем немного, и это одна из наших проблем. Мы в самом начале долгого пути. ■